

Львова

БОСС
это (не) интервью

Елена Львова

Босс, это (не) интервью

<https://litres.ru/74171147>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда твой школьный обидчик возвращается в твою жизнь не мальчишкой с дурным характером, а взрослым, богатым и слишком уверенным в себе директором завода, приходится быстро выбирать: снова расплакаться и сбежать или показать ему, как сильно он ошибся.

Всё бы ничего, но в дело вмешиваются любовь, химия, от которой не спрятаться, и наглый ворон Крош.

Содержание

Глава 1 Андрей	4
Глава 2 Валерия	16
Глава 3 Андрей	27
Глава 4. Валерия	37
Глава 5. Андрей	48
Глава 6. Валерия	56
Глава 7. Андрей	67
Глава 8. Валерия	76
Глава 9. Валерия	86
Глава 10. Валерия	95
Г	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Босс, это (не) интервью

Глава 1 Андрей

— Я не собираюсь сниматься в этом цирке.

Я говорю это, не поднимая головы от отчёта, и ставлю подпись на последней странице так, словно подписываю кому-то приговор. Хотя, если честно, в данный момент я с удовольствием подписал бы приговор всей нашей пиар-службе.

— Это не цирк, Андрей Анатолич, — ровным голосом отвечает Виктор Аркадьевич.

Именно таким голосом обычно сообщают: либо налоговая на проходной, либо пожар в цехе номер три. Сегодня у Виктора Аркадьевича лицо человека с благой вестью, а у меня стойкое ощущение, что это подстава.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на него поверх очков.

— Тогда что это?

— Имиджевый фильм.

— Ещё хуже.

Виктор Аркадьевич не улыбается. Он делает это редко: когда кто-то увольняется по собственному или когда банк наконец соглашается на вменяемые условия.

— Мы уже обсуждали это, — напоминает он. — Партнёры из Самары приедут через месяц. Им нужен не только за-

вод, Андрей Анатолич. Им нужна история. Лицо. Понимание, кто стоит во главе компании.

— Пусть посмотрят на ёмкости, цеха и лабораторию. Этого достаточно.

— Для вас — возможно. Для них — нет.

На слове «для вас» он делает микроскопическую паузу, и мне сразу хочется его уволить. Исключительно в воспитательных целях. Но я этого не делаю. Потому что Виктор Аркадьевич прав. А я терпеть не могу, когда другие люди оказываются правы по неудобным мне вопросам.

На улице гудит погрузчик. За стеклом серое мартовское утро, мокрый асфальт, трубы, ангары, пар, люди в спецовках. Нормальная, живая картина. Моя. Без камер, красивых слов и попыток выдать производство моторных масел за историю о вдохновении.

Это завод. Здесь всё должно работать.

Я перевожу взгляд на папку у него в руках.

— Что именно вы хотите?

— Небольшой документальный фильм. Производство, команда, ваш путь, ваш подход.

— Нет.

— Андрей Анатолич...

— Я сказал: нет.

Он всё же кладёт папку на стол. Медленно. Как хирург, который знает, что пациент всё равно не сбежит с операционного стола.

— Вы можете отказаться, — спокойно говорит он. — И тогда через месяц вы сами будете объяснять, почему конкурент, у которого долгов по горло и продукция хуже нашей, выглядит в глазах партнёров живым, современным и понятным, а мы — как завод из девяностых, где все разговаривают только цифрами.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

Ненавижу содержательные взгляды с утра.

— Вы закончили? — спрашиваю я.

— Почти. Я уже связался с агентством.

Я прищуриваюсь.

— Без моего согласования?

— С предварительным запросом. Финальное решение — за вами.

— Щедро.

— Я стараюсь.

Это уже дерзость. Очень аккуратная, канцелярски стерильная, но всё-таки дерзость.

Я беру папку, раскрываю. Внутри — стандартная презентационная каша: этапы, концепция, возможные форматы, сроки, «эмоциональное вовлечение аудитории». Последнее словосочетание вызывает у меня почти физическую боль.

— Я не хочу, чтобы по территории болталась толпа креативных идиотов с камерами, — говорю я. — Мне нужен один вменяемый человек. Максимум двое. Без постановоч-

ного бреда, без дронов над резервуарами, без вопросов в духе «что вас вдохновляет по утрам».

— Согласен, — кивает Виктор Аркадьевич. — Поэтому я и предлагаю не брать случайного подрядчика, а найти сильного автора.

Я медленно поднимаю на него глаза.

— Какого ещё автора?

— Журналиста. Или документалиста. Того, кто умеет делать живой материал.

— Живой материал — это обычно завуалированное название для неприятностей.

— Не всегда.

— Всегда.

Он понимает, что перегнул с убеждением, и плавно переводит тему:

— Можно подключить ваши связи.

На этом месте я наконец откладываю папку в сторону и медленно снимаю очки. Протираю переносицу там, где они за полдня успели врезаться в кожу. Смотрю на Виктора Аркадьевича в упор.

— Вы сейчас всерьёз предлагаете мне искать себе журналиста?

— Вам проще выбрать человека, который не будет раздражать с первой минуты.

— Таких не существует.

— Значит, хотя бы с пятой.

У меня вырывается короткий смешок, как констатация факта. Виктор Аркадьевич воспринимает это как сигнал, что лёд тронулся, и добивает:

— Если хотите, я попрошу Варю собрать список.

— Нет.

— Тогда?.. — Он разводит руками, изображая готовность принять любое решение, но в глазах уже читается: выбор всё равно будет в пользу того, кто ему нужен.

Я машинально тянусь к телефону. И в этот момент в приоткрытое окно врзается чёрная тень.

— Твою мать.

Крош приземляется на подоконник с таким видом, будто офис принадлежит ему, а я здесь просто временно арендую воздух. Он встряхивается, расправляет крылья и смотрит на меня одним глазом — чёрным, блестящим, нахальным. В клюве у него что-то блестящее. Судя по выражению лица Виктора Аркадьевича (лёгкая гримаса, как при зубной боли), это снова нечто из административного корпуса.

— Уберите его, пожалуйста, — сухо произносит тот.

— Это не я его сюда принёс. — Я даже не поворачиваюсь к нему, продолжая следить за птицей.

Крош важно проходит по подоконнику, перелетает на шкаф, роняет оттуда металлическую зажигалку и замирает с видом человека, которому должны аплодировать.

— Где ты это взял? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

Крош коротко и уверенно каркает, без тени смущения.

— Он опасен, — цедит Виктор Аркадьевич. Теперь в его голосе проскальзывает что-то похожее на искреннюю тревогу. Что забавно: кредиты, налоги, просрочки поставок — это у него лицо каменное. А птица выводит из себя за десять секунд.

— Он птица.

— Он вор.

Я поворачиваюсь к нему, позволяя себе короткую усмешку.

— Это тоже не уголовная статья в его случае.

Крош снова каркает, явно поддерживая меня. Или просто требует внимания. С ним никогда не угадаешь.

— Ладно, — говорю я, поднимая телефон и жестом показывая, что разговор на этом закончен. — Я сам разберусь.

На этой мирной ноте Виктор Аркадьевич забирает свою папку и выходит — бесшумно, как человек, который всегда оставляет за собой право вернуться с новым аргументом. Я смотрю ему вслед, потом перевожу взгляд на Кроша.

— Доволен?

Он поворачивает голову набок — сначала одним глазом, потом другим. Словно оценивает, насколько я сегодня пригоден к человеческому общению.

— Не начинай, — предупреждаю я.

Крош перелетает на стол, делает два важных шага к папке и с явным интересом клюёт слово «**вовлечение**».

— Вот и я так думаю, — говорю ему.

Телефон в руке уже открыт на списке контактов. Я пролистываю пару фамилий, задерживаюсь на одной, пролистываю дальше. Потом всё же возвращаюсь и нажимаю вызов.

Костя отвечает не сразу.

Потом в трубке звучит бодрый голос:

— Если ты звонишь занять денег на очередной проект, то нет.

— И тебе доброе утро. — я подхожу к окну, приваливаюсь плечом к косяку. — Мне нужен журналист.

Пауза.

А потом смех. Костя смеётся так, будто я рассказал лучший анекдот года.

— Всё. Мир треснул. Андрей Барский добровольно ищет журналиста.

— Костя.

— Ладно-ладно. Тебе для чего?

— Для фильма о заводе. Нужен кто-то вменяемый. Без истерик, дешёвых сенсаций и любви к слову «резонанс».

— То есть человек, который умеет задавать неудобные вопросы и не превращает всё в базар?

— Да.

— Есть одна. — Костя делает короткую паузу. — Валерия Савельева.

Имя мне ни о чём не говорит.

— Кто это? — переспрашиваю я.

— Журналистка. Умная. Спокойная. Не липнет к статусу,

слушать умеет, материал чувствует.

— Слишком хорошо звучит. Где подвох?

— В том, что она выдержит тебя дольше десяти минут.

Я усмехаюсь в стекло.

— Сомневаюсь.

Костя хмыкает с лёгким превосходством человека, который знает что-то, чего не знаю я.

— А я нет. Она не из тех, кто пытается понравиться. Для тебя это уже подарок.

Мне это не нравится ещё больше.

— Контакт скинешь?

— Скину.

Я сбрасываю вызов, не прощаясь.

Телефон тут же вибрирует: **Валерия Савельева. Не об-
лажайся.**

Я несколько секунд смотрю на экран. Имя ничего мне не говорит. Ни одной ассоциации.

Крош коротко каркает.

— Вот и я о том же, — отвечаю ему.

Я нажимаю вызов, прежде чем успеваю передумать.

Трубку берут не сразу. Один гудок, второй. Я уже почти готов сбросить, когда на том конце раздаётся щелчок.

— Алло?

Голос спокойный, низкий, собранный. И почему-то смутно знакомый — как отзвук чего-то старого, давно забытого.

Я мотаю головой, отгоняя непрошеное чувство.

— Доброе утро. Валерия Савельева?

— Да.

— Андрей Барский. Вас рекомендовал Константин Громов.

На том конце короткая пауза. Едва заметная, но я её отмечаю.

— Слушаю.

— Хотел бы встретиться с вами и обсудить одну рабочую задачу. Вы свободны сегодня во второй половине дня?

Вторая пауза длится чуть дольше первой.

— Для обсуждения задачи? — уточняет она.

— Именно.

— Хорошо. Во сколько?

Я называю время.

— Адрес пришлёте?

— Моя помощница отправит.

— Тогда до встречи, Андрей.

В её интонации нет ничего особенного. Голос ровный, деловой. Ничего лишнего. Но почему-то после звонка в кабинете становится теснее.

Я кладу телефон на стол и несколько секунд молча смотрю в окно.

— Что? — спрашиваю я у Кроша, оборачиваясь.

Крош переступает лапами по столу и смотрит на меня без малейшего уважения.

— Нет, мне тоже не понравилось это ощущение.

Птица склоняет голову набок.

— Это работа. Обычная работа, — говорю я уже скорее себе, чем ему.

Крош каркает.

Так выразительно, так многозначительно, что я начинаю подозревать: в следующей жизни он был очень ехидным бухгалтером.

Я провожу рукой по лицу и возвращаюсь за стол.

* * *

К четырём часам я успеваю провести планёрку, подписать два договора, поставить на место начальника транспортно-го отдела, посмотреть новую линейку канистр для весеннего запуска и трижды пожалеть, что вообще согласился на эту затею.

Варя, моя помощница, заносит документы и осторожно напоминает:

— Андрей Анатольевич, через десять минут у вас встреча с журналистом.

— Я помню, — не поднимая головы, отвечаю я.

— С журналисткой, — уточняет она. И делает едва заметную паузу, прежде чем добавить: — Валерия Савельева.

— Я всё ещё помню.

— Виктор Аркадьевич просил передать, что он тоже...

— Нет.

— Я так и сказала, — вздыхает Варя. И по её вздоху я понимаю, что она даже не пыталась спорить. Умная женщина.

За это я её и держу.

Я смотрю на часы, потом на отражение в стекле. Галстук на месте. Пиджак на месте. Лицо, к сожалению, тоже на месте — такое же, какое было с утра. То есть не располагающее ни к кино, ни к доверию.

Отлично. Пусть не будет иллюзий.

Крош исчез куда-то после обеда, и это, пожалуй, единственная хорошая новость. Хотя, зная его, он просто выживает. Скорее всего, появится в самый неподходящий момент — у птицы абсолютный талант к драматургии.

В дверь стучат.

— Да.

— Андрей Анатольевич, к вам Валерия Савельева, — говорит Варя из приоткрытой двери.

— Пусть войдёт.

Я встаю автоматически. Скорее по привычке, чем из вежливости. Обхожу стол, поправляю запонку — тоже на автомате. Поворачиваюсь к двери.

Сначала я вижу только силуэт в проёме: светлое пальто, папка, распущенные волосы, спокойная осанка человека, который не собирается никого впечатлять. Потом она делает шаг внутрь, и время вдруг ведёт себя очень странно.

Как будто кто-то на секунду выдёргивает из комнаты воздух.

У меня на секунду сбивается дыхание.

Женщина передо мной уже не имеет ничего общего с де-

вочкой, которую я должен был бы помнить только как бледную школьную тень на задних партах. Кроме глаз.

Вот глаза — те же.

Прямой взгляд. Спокойный. Чуть насмешливый. И всё тот же раздражающий эффект, будто мне снова пятнадцать и я сказал что-то не то.

Она останавливается в двух шагах и протягивает руку.

— Добрый день. Валерия Савельева.

И только в этот момент меня накрывает окончательно.

Не просто журналистка.

Лера.

Лерка-Туман.

Туманова.

Девочка из прошлого, которую я меньше всего ожидал увидеть здесь. И, если совсем честно, которую я, кажется, так до конца и не забыл.

Я смотрю на её руку чуть дольше, чем положено. Поднимаю взгляд и понимаю: она меня тоже узнала.

Кабинет вдруг становится слишком маленьким. Воздуха не хватает.

А Крош, конечно, выбирает именно этот момент, чтобы бесшумно приземлиться на шкаф и каркнуть — коротко, как смешок.

Глава 2 Валерия

Смотрю на входящий звонок с незнакомого номера. Ну нет. Что еще сегодня мне не впаривали? На ноутбуке открыт недописанный текст, рядом остывает кофе, и я совсем не готова тратить время на чужие «сказочные предложения». Обычно такие звонки сдаются после трех гудков, а этот, зараза, нет. Я беру трубку.

— Алло?

Мужской голос в трубке звучит спокойно и собранно. Сразу понятно, что это не продажа очередной бесполезной услуги.

— Доброе утро. Валерия Савельева?

Я машинально выпрямляюсь.

— Да.

— Андрей Барский. Вас рекомендовал Константин Громов.

Телефон чуть не выскальзывает у меня из руки.

Это происходит буквально на мгновение: пальцы слабеют, сердце делает кульбит, в животе резко пустеет, как перед экзаменом. Я ловлю аппарат, упираюсь локтем в стол и успеваю ответить до того, как тишина станет подозрительной.

— Слушаю.

Слава Богу, голос меня не выдает. Звучит строго и уверенно.

Барский.

Андрей Барский.

Нет, ну кто же еще. Самое время объявиться мужчине, которого я больше десяти лет старательно задвигала туда, где ему и место.

Я смотрю в окно и стараюсь дышать ровно, пока в трубке продолжается его голос.

— Хотел бы встретиться с вами и обсудить одну рабочую задачу. Вы свободны сегодня во второй половине дня?

Рабочую задачу.

Нормальные слова. Обычно они вызывают у меня неподдельную радость. Но сейчас получились спецэффекты, будто кто-то тихо открыл дверь в комнату, которую я давно считала заколоченной.

Я заставляю себя не молчать.

— Для обсуждения задачи? — уточняю я.

Боже! Какой же идиотский вопрос я задала. Я зажмуриваюсь и трясусь кистью. Разумеется, для обсуждения задачи. Не для совместной же встречи с психологом по разбору школьных травм в кабинете у владельца завода.

— Именно, — отвечает он.

И к этому «именно» тоже не придраться. В трубке голос человека, который звонит журналистке по делу.

Либо он меня не узнал. Либо узнал, и ему все равно. Оба варианта мне одинаково не нравятся.

— Хорошо, — говорю я. — Во сколько?

Он называет время. Я записываю адрес на обратной стороне распечатки с чужими правками, механически киваю, хотя он этого не видит, а он обещает, что детали пришлет помощница.

— Тогда до встречи, — произносит Барский.

— До встречи.

Когда связь обрывается, я еще несколько секунд держу телефон у уха.

Потом аккуратно кладу его на стол, как будто это не телефон, а хрустальная туфелька, которая может разбиться от лишнего движения. И сижу, глядя на свое кривое отражение в черном экране.

Барский.

У меня неприятно покалывает кожу на затылке, а живот сжимается и не разжимается. Не остро — не так, чтобы согнуться пополам, а именно глубоко, тупо, изнутри. Как будто какое-то предчувствие, но вот какое...

Я хожу по кухне, делаю два круга, возвращаюсь к столу, беру телефон и набираю Киру.

Если в мире и есть человек, который слышал от меня про Андрея Барского больше, чем мне хотелось бы признать, то это она.

— Что случилось? — спрашивает Кира вместо приветствия.

— Почему ты решила, что что-то случилось?

— Потому что ты звонишь мне в рабочее время. А это

уже подозрительно... у тебя же принцип – на работе только работа

— Кира, какая работа? У меня тут такое!

— Таак, заинтриговала. Такие эмоции. Рассказывай быстрее.

Я сажусь на край стула.

— Мне только что звонил Андрей Барский.

На том конце короткая тишина. Потом:

— Да ла-адно? Тот самый Барский?

— Да. Кира, это кошмар. У меня до сих пор руки трясутся.

— А хотел то чего?

— Какой-то проект хочет мне предложить, как журналисту. Он меня не узнал даже, как мне показалось.

Кира молчит секунду, потом слишком спокойно спрашивает:

— И что ты ответила?

— Согласилась сегодня встретиться. Обсудить рабочую задачу.

— И ты пойдешь? Может это стеб какой-то опять?

— Слушай, столько лет прошло. Он директор большого завода... Вряд ли.

Она хмыкает.

— Ну не знаю... Люди не меняются. Хотя, сходи, интересно даже. Говорят, от ненависти до любви...

— Кира!

Я смотрю на свое отражение в стекле: волосы собраны

кое-как, футболка мятая, на щеке след от руки. Очень хорошо. Именно так и выглядит женщина, которую прошлое точно не трогает.

— Лер, — говорит Кира уже мягче, — он не школьник. И ты не девочка.

— Я знаю.

— Тогда езжай как взрослая женщина. Если он начнет вести себя как придурок, встанешь и уйдешь.

Я выдыхаю через нос.

— Спасибо за этот содержательный стратегический план.

— Всегда пожалуйста. — говорит Кира. — обязательно позвони потом.

— Хорошо.

После разговора я еще секунд десять стою с телефоном в руке, потом иду собираться.

И вот тут меня встречает самая распространенная женская проблема — надеть нечего.

Нет, шкаф, как водится, забит до отказа, но проблему это не решает. Нужно же с первых секунд произвести впечатление, как учили, правило трех секунд. Но какое впечатление? Лера, ты к красивым или к умным? Мамочки, ну что надеть то?

Я вытаскиваю черное платье и тут же отбрасываю. Слишком явно стараюсь к красивым. Белую рубашку — слишком к умным. Мягкий джемпер — слишком по-домашнему. Бежевый жакет или брючный костюм цвета шампанского?

Я стою в белье посреди комнаты и злюсь. На Барского. На Киру. На себя. На то, что мне, тридцатилетней женщине, вообще приходит в голову мысль, что цвет костюма может что-то значить.

— Абсолютно нейтрально, — бормочу я, вытаскивая блузку.

И тут же хочется закатить глаза. Потому что, если ты подбираешь «абсолютно нейтральный образ» для встречи с заказчиком, значит, все уже пошло не по плану.

Я надеваю блузку. Снимаю. Надеваю другую. Снова снимаю. Убираю волосы в хвост, тут же распускаю, собираю ниже, потом выше, потом снова распускаю. Отражение в зеркале смотрит на меня с выражением легкого презрения.

— Прекрати, — говорю я себе. — Может, он тебя вообще не узнает.

Это почти срывает.

Ну а что? Фамилия у меня теперь другая. Мамина. Савельева. Я взяла ее не из обиды, скорее из гордости. Чтобы не быть приложением к известному режиссеру Туманову и его красивой жизни, в которой на роль отца и мужа у него вечно не хватало времени.

Так что Барский, если вообще что-то помнит, вряд ли сразу свяжет меня с Леркой-Туман.

Эта мысль немного успокаивает. Ненадолго.

В итоге я выбираю светлую блузку и простые серьги. Не

потому, что так правильно. А потому что именно в этом комплекте я меньше всего похожа на женщину, которая дважды меняет обувь, прежде чем ехать на рабочую встречу.

В такси я сижу как натянутая струна и повторяю себе одно и то же: он давно не школьник, а я давно не девочка. У меня другая фамилия, своя работа, свой голос и полное право встать и уйти, если что-то пойдет не так.

Эта мысль помогает.

Почти.

Помощница Барского оказывается именно такой, какой и должна быть у такого человека: собранной, спокойной, без лишних слов и ненужной улыбочивости.

— Валерия Савельева? — уточняет она.

— Да.

— Андрей Анатольевич вас ждет.

Конечно ждет.

Пока мы идем по коридору, я замечаю стеклянные перегородки, темное дерево, металлические детали, запах кофе и бумаги, людей, которые двигаются быстро и не создают лишнего шума. Все здесь говорит одно и то же: деньги, порядок, контроль.

Не удивлюсь, если и воздух тут фильтруют по уровню допустимого хаоса.

— Прошу, — говорит помощница и открывает дверь.

Я захожу.

И сразу у меня в животе сжимается так резко, что я едва

не сбиваюсь с шага. Он встает из-за стола.

На столе бумаги. Рядом тонкая оправка очков для чтения. Темный костюм. Белая рубашка. Никакой нарочитой эффектности, и от этого хуже. Он стал старше, жестче, точнее. Лицо собранное. Взгляд тяжелее. И весь он, как человек, который давно отвык разбрасываться словами.

Но глаза... глаза те же. Незаметно сглатываю.

Он меня тоже узнал. Я считываю это моментально по тому, как на долю секунды меняется его лицо, как будто под идеально ровной поверхностью кто-то резко провел ногтем.

Черт.

А значит, весь мой прекрасный план «другая фамилия, прошло много лет, ничего особенного» с хрустом проваливается под лед.

Но внешне я уже иду вперед. Я не даю себе остановиться. Не даю глазам метнуться в сторону. Не даю рукам дрожать.

Протягиваю ему ладонь.

— Добрый день. Валерия Савельева.

В этот момент большая черная птица приземляется на шкаф и издает резкий звук. Я вздрагиваю от неожиданности.

Барский смотрит на меня секунду, потом усмехается.

— Ничего себе. Лерка-Туман.

Я медленно опускаю руку. Собираю себя в кучу.

— Уже нет. Савельева.

— Замуж выскочила? Молодец. Громов о тебе хорошо отзывался, а я и не думал, что из тебя выйдет журналист.

— А я не думала, что ты дорастешь до человека, который сам себе заказывает фильмы.

Он коротко смеется, но глаза уже жесткие.

— Сядь.

— Спасибо, постою.

— Как хочешь.

Он обходит стол, опирается на край.

— Слушай, давай без цирка. Мне нужен серьезный проект. Не школьный кружок и не личная терапия. Я не уверен, что тебе вообще можно это доверить.

— Потому что?

— Потому что ты меня знаешь. И, судя по лицу, не забыла.

— А ты, судя по заходу, тоже все помнишь. Только это тебе вдруг понадобилась моя помощь.

— Не льсти себе. Я не знал, что это ты. Мне не нужен человек, который будет путать работу с личными тараканами.

— Тогда тебе вообще не повезло. У всех есть свой комплект тараканов. Даже у владельцев заводов.

Он щурится.

— Я серьезно.

— Я тоже. Ты звонишь мне сам, тащишь на встречу, а потом делаешь удивленное лицо, что у нас, оказывается, есть прошлое. Очень взрослая схема.

— Я не тащил тебя. Могла не приезжать.

— Не могла. Я профессионал, и это моя работа. А вот ты мог и не звать. - говорю я и сама себе не верю. Потому что

профессионалы не приезжают на встречи без ТЗ по первому звонку бывших одноклассников.

— Я не знал, что это ты.

— Бедный. Какая неожиданность. Даже почти сочувствую.

У него дергается угол рта.

— Зато теперь знаю. И теперь еще меньше уверен, что это хорошая идея.

— Какой нерешительный. Как же ты заводом то управляешь? Тогда послушай умного человека. Идея очень плохая.

— Вот и отлично.

— Надо же. А я думала, ты хотя бы вырос. Смешно. Хотя, в одном ты не изменился. Сначала укусить, потом посмотреть, дрогнул человек или нет.

— Ты перегибаешь палку. Если человек не может контролировать свои эмоции, ему не место рядом с большими проектами.

Я делаю шаг ближе.

— А если человек пытается растоптать другого с порога, ему не место в кадре. Камера такие вещи очень любит. Все показывает.

Он выпрямляется.

— Ты сейчас мне угрожаешь?

— Нет. Я тебе объясняю, почему с тобой сложно работать. Ты до сих пор уверен, что если когда-то видел меня слабым, то можешь и сейчас зайти с ноги. Но все изменилось, Бар-

ский.

— Ты ошибаешься. Люди не меняются, просто начинают носить маски.

— Тебе виднее, босс.

Пауза.

Он смотрит на меня уже без усмешки.

— Ты слишком много на себя берешь.

— Нет. Это ты слишком долго живешь в кабинете, где тебе никто не говорит то, что действительно думает. Хотя тут все ясно. С людьми не вышло, завел птицу.

— Это Ворон.

Я беру папку.

— Все, Барский. Закрыли тему. Ищи кого-нибудь, кто будет смотреть на тебя с восхищением и снимать твой драгоценный профиль на фоне труб.

— Снова обиделась и сбегашь?

Я уже у двери.

— Нет. Просто не хочу тебя ни снимать, ни видеть. Вообще больше никогда.

И выхожу.

- Туманова! – кричит он в след. – Завтра в десять. Не придешь, значит, я был прав.

Глава 3 Андрей

Дверь за ней захлопывается.

Несколько секунд я просто стою и смотрю на эту чертову дверь. Что это было вообще?

Крош со шкафа издает короткое, мерзко довольное карканье.

— Заткнись, — говорю я птице.

Крош не затыкается. Он вообще никогда не затыкается, когда есть возможность меня позлить. Он переступает лапами и косится на меня без капли сочувствия.

Я медленно выдыхаю, обхожу стол, беру очки и швыряю их в папку с документами. Папка съезжает к краю стола.

Прохожу к столу, сажусь, откидываюсь в кресле. Закрываю глаза на секунду и сразу открываю.

Лерка-Туман, ну надо же.

Нет. Она теперь Савельева. Наверное, выскочила замуж. Но кольца-то нет, я заметил. Черт, зачем я вообще смотрел на ее пальцы?

Да это и не важно. Для меня она все равно Туманова. Серая мышь с упрямыми глазами, которая в школе бесила меня сильнее, чем следовало бы. Тощая, колючая, вечно напряженная. Чуть задень, и сразу в слезы.

Она изменилась. Теперь она смотрит прямо в глаза. Смотрит смело, с вызовом. И взгляд острый, как будто только и

ждет, чтобы я сказал что-то не то.

А эта блузка...

Я провожу рукой по лицу.

«Не хочу тебя ни снимать, ни видеть. Вообще больше никогда».

Сказала и вышла. Как отрезала. Как будто не я тут решаю, когда разговор считать законченным. Как будто не я тут хозяин положения.

Я усмехаюсь.

Коротко, со злостью.

— Хозяин положения, — повторяю вслух.

Крош снова каркает.

— Да заткнись ты.

Он, конечно, не затыкается.

Я подхожу к окну. Во дворе разворачивается фура, двое рабочих курят у служебного входа, из административного корпуса выходит Варя с папкой. Нормальный рабочий день. Все как и должно быть. Завод работает. Люди на местах. Контракты ждут подписи. Партнеры приедут через месяц.

И только у меня в голове вместо цифр, графиков и планов — женский голос, злой взгляд и это ее:

«Надо же. А я думала, ты хотя бы вырос.»

Я сжимаю зубы так, что челюсть сводит. Надо же, нашла, куда бить. Хотя нет. Я сам дал ей в руки все, что нужно. Вел себя как последний...

Я резко обрываю мысль.

Нет.

Я вел себя правильно. Жестко — да. Но правильно. Мне нужен важный проект, а не чьи-то старые сопли с привкусом школьных обид. Я не обязан делать вид, что все нормально, если вижу, как человека корежит от одного моего взгляда.

Проблема только в том, что корежило не ее одну. И вот это уже раздражает по-настоящему.

Я возвращаюсь к столу, сажусь, открываю ноутбук и вбиваю: «Валерия Савельева журналист».

Результатов много. Статьи, интервью, расследования. Я открываю первую попавшуюся статью. Через минуту вторую. Потом третью.

И с каждой следующей что-то внутри меня медленно, с неприятным скрежетом, дает трещину.

Потому что она хороша.

Не «для девочки из школы» хороша. Не «неплохо, кто бы мог подумать». А просто — хороша. Жесткая подача. Чистая структура. Без попыток понравиться. Без сюсюканья. Без желания казаться умнее, чем есть. Она умеет вытащить из человека главное и при этом не развалить текст на самолюбование.

Я открываю видеофрагмент с ее участием.

Смотрю.

И чувствую, как моя уверенность в том, что она «ни о чем», начинает осыпаться некрасивыми кусками.

В кадре Лера спокойная, собранная. Никакой суеты. Она задает вопрос, и собеседник сначала пытается уйти в сторону, а потом, сам того не замечая, отвечает ровно на то, что она хотела услышать.

Ловко. Очень ловко.

Я откидываюсь на спинку кресла и провожу ладонью по лицу.

Черт. Она не серая мышь. Эта мысль неприятно царапает изнутри.

Крош перелетает на стол, проходит по клавиатуре и замирает рядом с ноутбуком, разглядывая экран так, будто тоже хочет оценить уровень ее работ.

— Даже не думай, — говорю я.

Он клюет уголок распечатки.

— Она не настолько хороша.

Крош каркает.

— Ладно, настолько.

Он снова каркает.

— Не наглей.

Я захлопываю ноутбук чуть резче, чем нужно.

— Ты себя накручиваешь, — говорю я вслух.

Я снова подхожу к окну. Мой завод. Я создал его с нуля, я пахал, как проклятый круглые сутки. Теперь все под контролем. Все работает.

И сейчас какая-то девчонка, которую я дразнил в школе, заставляет меня чувствовать себя...

Кем?

Мальчишкой.

Таким же злым и неуклюжим, как тогда. Когда проще было сказать гадость, чем подойти и просто заговорить.

Я сжимаю челюсть.

— Нет, — говорю я себе. — Я был прав. Она не подходит. Она эмоциональная, обидчивая, она будет тащить в проект своих тараканов. Мне нужен профи, а не...

Короткий стук в дверь.

Без приглашения заходит Виктор Аркадьевич. Как всегда с выражением лица, на котором написано: «У нас дедлайны, обязательства, срочно нужно что-то делать».

— Все прошло удачно? — спрашивает он.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Нормальному человеку хватило бы одной секунды, чтобы понять: нет, прошло неудачно, уйдите и сохраните себе жизнь.

Виктор Аркадьевич нормальным человеком не является.

— Спорно, — отвечаю я.

— То есть?

— То есть кандидатура вызывает вопросы.

Он аккуратно прикрывает за собой дверь и делает еще шаг в кабинет.

— Какие именно?

— Личные.

Бровь у него почти не двигается, но я слишком давно его

знаю.

— Настолько серьезные?

— Достаточно.

— Тогда, возможно, не стоит усложнять. Я могу связаться с агентством и запросить другую кандидатуру. Более... нейтральную.

Слово «нейтральную» он произносит с легким нажимом. И даже почти вежливо. И почему-то именно в этот момент меня накрывает новой волной раздражения. На эту его вечную готовность убрать все живое, неудобное, острое и заметить чем-нибудь предсказуемым, безопасным, стерильным.

— Нет, — говорю я.

Он замирает.

— Простите?

— Я сказал, нет.

— Но вы только что сами...

— Я помню, что я только что сказал.

Он делает многозначительную паузу.

— Андрей Анатолич, если между вами есть личная история, тем более разумнее выбрать кого-то без лишнего эмоционального фона.

Крош издает звук, похожий на издевательский смешок.

Я бы с удовольствием с ним согласился.

В словах Виктора Аркадьевича есть логика. Правильная, гладкая и безопасная.

Но я уже видел ее работу. И теперь другая мысль бьется

в голове громче любой логики:

она может это снять.

Даже хуже.

Скорее всего, только она и может снять это так, как мне надо. Не лакированную открытку. Не рекламную жвачку. А живой, сильный материал.

И именно это бесит меня больше всего.

Потому что я не хочу в этом признаваться. Ни ему, ни себе. Я встаю из-за стола и обхожу его, как будто так легче говорить.

— Другая кандидатура снимет мне мертвую открытку, — произношу я. — А она нет.

Виктор Аркадьевич молчит.

— При этом, как я понимаю, общение у вас не задалось.

— Это не ваше дело.

— Если речь идет о проекте компании — мое.

Я резко поворачиваюсь к нему.

— Тогда займитесь проектом компании и не учите меня разговаривать с подрядчиками.

Тишина становится плотной.

Виктор Аркадьевич смотрит на меня внимательно. Со своим неприятным профессиональным спокойствием, в котором всегда есть чуть больше понимания, чем мне хотелось бы.

— Разумеется, — отвечает он наконец. — Тогда мне нужно понимать только одно: мы продолжаем с ней или нет?

Я сжимаю переносицу двумя пальцами. Потому что вопрос простой.

А ответ — нет.

Я не хочу ее видеть.

Не хочу снова ловить этот ее взгляд, как будто она видит меня насквозь и ей не нравится увиденное. Не хочу слышать, как у нее дрожит голос на ту самую долю секунды, которую замечаю только я. Не хочу снова чувствовать это напряжение внутри, как в школе, потому что она не смотрела на меня с восхищением, не таяла, не соглашалась на все. Потому что она единственная, кто когда-то не бегал за мной, и до сих пор не бегают.

Я раздражен. И от этого хочется кого-нибудь уволить.

Крош расправляет крылья и каркает. Виктор Аркадьевич переводит взгляд с птицы на меня.

— Андрей Анатолич?

Я убираю руку от лица.

— Да, продолжаем.

— Понял.

Он поворачивается к двери и уходит

Кабинет снова остается мне, Крошу и моему резко испортившемуся настроению.

Я снова открываю ноутбук. Еще одна ее работа. Интервью. Короткий документальный ролик о каком-то маленьком производстве. И в какой-то момент понимаю, что смотрю уже не из желания доказать себе, что она посредственность.

А с интересом.

Она не серая мышь.

Вообще нет. И это, пожалуй, самая плохая новость за сегодняшний день. Потому что если бы она осталась той девочкой, которую можно было довести парой слов, все было бы просто. А она не осталась.

Она выросла.

Стала острее, красивее, жестче. И, кажется, научилась говорить именно так, чтобы было больнее всего.

Я резко закрываю вкладку.

— Да что ж такое, — тихо говорю в пустоту.

Крош спрыгивает со стола на подоконник и каркает уже не насмешливо, а скорее вопросительно.

Я усмехаюсь.

— Нет, мне это не нравится.

Он снова каркает.

— Нет, это не значит, что я передумал.

Крош склоняет голову.

— И нет, я не собираюсь признавать, что повел себя как мальчишка.

На последней фразе я замолкаю сам. Потому что именно так я себя и повел. Увидел ее и сорвался. Полез в прошлое. Укусил первым, как будто мне снова пятнадцать.

От этой мысли меня передергивает.

— Варя! — кричу я в сторону двери.

Через несколько секунд в кабинете появляется моя по-

мощница.

— Да, Андрей Анатольевич?

— Подготовьте договор для Валерии Савельевой. Все материалы по проекту отправьте ей сегодня. Завтра в десять она будет у меня в кабинете. Гонорар удвоить.

Варя кивает, не задавая лишних вопросов. Выходит.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

Завтра в десять.

Отлично. Просто замечательно. Учитывая, как сегодня все прошло, ничего хорошего от завтра ждать не приходится. И именно поэтому я почему-то абсолютно уверен, что она придет.

Проблема только в одном. Что, если нет?

Глава 4. Валерия

Я выскакиваю из административного корпуса.

Щеки горят. Ладони ледяные. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Во рту пересохло, а в голове по кругу его голос, его усмешка и это спокойное, мерзкое:

«Я не уверен, что могу доверить тебе такой проект».

Да кто ты вообще такой? Не уверен он.

Я быстро иду по парковке, каблуки то и дело проваливаются между брусчаткой. Какой идиот додумался выкладывать парковку брусчаткой. Хотя чего я ожидала? Какой директор, такая и парковка — дорогая, неудобная и бесит!

Нет, ну надо меня так разозлить! Барский стал еще противнее. Самодовольный, высокомерный, уверенный в том, что может по-прежнему втоптывать меня в грязь.

Ну уж нет, дорогой. Не в этот раз.

Я резко выдыхаю, распахиваю дверь стоящей у входа машины и вваливаюсь на заднее сиденье.

— В редакцию «Городской курс», пожалуйста, — бросаю, роясь в сумке в поисках телефона. — И побыстрее, я тороплюсь.

Молчание.

Я поднимаю глаза.

За рулем сидит женщина лет пятидесяти в очках и в яр-

ко-сиреневом пуховике. На пассажирском сиденье пакет с апельсинами. Она смотрит на меня из-под очков с интересом и легким недоумением.

— Девушка, — говорит она, — это не такси. Такси обычно паркуются вон у того знака. Хотите апельсин?

Я застываю.

Потом медленно закрываю глаза.

— Господи.

— Не нужно преувеличивать, — говорит женщина. — Я обычная женщина. Пока еще.

Я вылетаю наружу, бормоча что-то про простите-извините-ужасный-день, захлопываю дверь и пару секунд стою посреди парковки, прижав ладонь ко лбу.

Отлично.

Прекрасно.

Барский, чтоб тебе икалось до пенсии.

У «вон того знака» действительно стоят две машины. Я молча сажусь первую, пристегиваюсь, называю адрес и только потом понимаю, что все еще сжимаю кулаки. Заставляю себя расслабить пальцы.

— Никуда я завтра не поеду, — говорю себе под нос, глядя в окно. — Пусть ищет себе кого-нибудь, кто будет смотреть на него с открытым ртом и снимать его драгоценный профиль на фоне труб.

Водитель бросает на меня взгляд в зеркало, но, к счастью, ничего не спрашивает.

Святой человек.

Машина выезжает на центральную улицу, и я набираю Киру.

— Ну? — говорит она вместо приветствия. — Как все прошло?

— Лучше не спрашивай! Меня до сих пор трясет.

— Так. Уже интересно.

— Он все такой же. И так же меня бесит!

— Барский?

— Нет, блин, папа римский. Конечно, Барский. Самодовольный, наглый и уверен в том, что он пуп земли.

Кира хмыкает.

— А что случилось то?

— Я, как приличная взрослая женщина, зашла, поздоровалась и даже протянула ему руку.

— Ну, а он?

Я прикрываю глаза и откидываюсь на спинку сиденья.

— Он меня сразу узнал и началось! Даже без разминки. Лерка -Туман, твои тараканы мне не нужны, не могу доверить тебе проект, бла-бла-бла. Как будто не он сам меня позвал.

— И?

— Что «и»? Мы поругались, я хлопнула дверью и ушла.

— То есть вы выросли, а повзрослеть забыли?

— Да причем тут это? Он просто как был придурком, так им и остался. В какой-то момент мне даже показалось, что я

его придушу. Потом передумала. Решила, что это слишком жирно для него.

Кира смеется.

— Лера, — говорит Кира уже сквозь смех, — это все конечно, весело, но проект жаль. Можно было неплохо заработать.

Я смотрю в окно.

— Да пошел он со своим проектом, — говорю я через пару секунд. — Не очень-то и хотелось.

Кира сразу ловит паузу.

— Ну ладно. Тебе просто нужно переспать с этой мыслью, а завтра принять взвешенное решение. Хочешь, пойдем погуляем вечером?

— Посмотрим. Давай созвонимся.

— Давай. Все выдыхай и на созвоне.

— Пока.

В редакцию я влетаю как после пожара.

На входе меня чуть не сносит курьер с коробкой для архива, кто-то орет из монтажки, что звук снова поплыл, из соседнего кабинета доносится яростное:

— Я не поставлю «шок» в заголовок, мы не желтая газетенка!

Кто-то машет мне рукой, кто-то уже с кем-то спорит у кулера, в дальнем углу беззвучно моргает телевизор с новостями, и от всего этого привычного бедлама мне впервые за день становится чуть легче.

Здесь все родное и понятное. Здесь никто не сидит в дорогом кресле и не раздает указания.

— Лер, ты где была? — кричит мне Мишка-новостник от кофемашины. — Тебя Семеныч ищет.

— Была на встрече, — бросаю я на ходу. — чего Семеныч хочет?

— Не знаю, просил зайти.

— Зайду.

Бросаю сумку на свой стул, прохожу мимо верстальщика, который матерится шепотом в монитор, хватаю первую попавшуюся папку, понимаю, что это вообще не моя, кладу обратно, беру кружку, наливаю кофе. Руки до сих пор подрагивают.

Прекрасно.

И почему-то до сих пор хочется кого-нибудь задушить. Чисто в профилактических целях.

— Савельева, к главному, — кричит из-за перегородки Катя-корректор, не поднимая головы. — И лицо попроще сделай, может премию выпишет.

— Дождешься у него, — отвечаю я. — Сейчас пару глотков кофе и иду.

К кабинету главреда я подхожу уже чуть собраннее. Думаю, сейчас будет что-то про дедлайны, про вчерашний текст, про правки по лонгриду. Я даже успеваю настроиться на нормальную рабочую взбучку.

Семеныч сидит у себя за столом с уставшим лицом, кото-

рый не спал двое суток. Галстук перекошен, чашка пустая, на экране какая-то презентация, которую явно делали левой ногой.

— Садись, — говорит он.

Я сажусь.

Он смотрит на меня секунды три. Слишком внимательно.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего. Просто думаю, карьеристка ты или просто талантливая.

— И то, и другое. Полный комплект.

— Хорошо. Тогда к делу.

И вот тут я понимаю: это не про дедлайны.

Семеныч откидывается на спинку кресла и сцепляет пальцы на животе.

— Сегодня у нас было совещание с инвесторами. Решили запускать новое направление. Не только статьи, не только репортажи. Будем делать документальные и имиджевые фильмы, спецпроекты, большие форматы.

Я молчу.

Он продолжает:

— Под это дело нужен человек. Руководитель отдела. Через две недели я должен представить инвесторам кандидата на эту должность.

Мне почему-то сразу становится жарко.

— И?

— И у меня в списке две кандидатуры. Ты и Вадим Лы-

сенков.

Это удар ниже пояса. Потому что Вадим Лысенков — это не талант века. Но это именно тот тип мужчин, которых любят инвесторы, презентации и люди, верящие в слово “надежность”. Он гладкий, удобный, с кейсами. Пусть даже кейсы у него местами хочется развидеть.

— Серьезно? — спрашиваю я раньше, чем успеваю сделать вид, что мне все равно.

— Нет, шучу. Конечно, серьезно.

Он снимает очки, протирает переносицу.

— По мозгам, по хватке, по тексту, по чутью ты сильнее. Но у Вадима есть то, чего у тебя почти нет.

— Посредственность?

— Малые фильмы.

Я фыркаю.

— Семеныч.

— Не закатывай глаза. Я не сказал, что у него хорошие фильмы. Они у него местами деревянные, местами стыдные, местами хочется выключить на второй минуте. Но они есть. И инвесторы очень любят слово “опыт”, даже когда этот опыт снят на уровне школьного кружка.

Я сажу молча.

Потому что он прав. И от этого хочется встать и ударить ладонями по столу.

— У тебя, Лера, сильное имя внутри редакции. Сильные тексты. Репутация. Но если мне завтра скажут: “Покажите,

где она уже делала вот такое”, — мне нечего будет ответить.

— А Лысенков идеальный кандидат?

— У Лысенкова есть маленький талант. Он умеет сразу понравиться.

Он склоняется вперед.

— Поэтому слушай внимательно. У тебя две недели. Найди, добудь, сними, вырви зубами — мне все равно. Но принеси мне фильм, после которого я смогу сказать: вот моя кандидатура. Иначе в новый отдел пойдет Вадим. А ты останешься очень талантливой девочкой без нужного кейса.

Я смотрю на него и медленно выдыхаю.

Две недели.

Фильм.

Новый отдел.

Лысенков.

И, конечно же, именно сегодня.

— Ты издеваешься? — спрашиваю я тихо.

— Нет. Если бы я издевался, я бы дал тебе два дня.

Я встаю.

— Спасибо, Семеныч. Ты сегодня очень щедр.

— Не ерничай. Лучше иди и работай. Покажи мне свои журналистские зубы.

Я выхожу из кабинета, аккуратно прикрываю дверь и только в коридоре понимаю, что меня начинает реально разрывать на части.

Да вы издеваетесь?

Как в плохом кино, честное слово.

Именно сейчас? Именно сегодня? Именно когда я только что красиво хлопнула дверь у Барского? Именно когда сказала себе, что ноги моей там больше не будет? Именно в конкуренции с этим... Лысенковым?

Я иду по коридору мимо монтажной и в этот момент почти сталкиваюсь с Вадимом.

Лысенков как всегда гладкий. Чистая рубашка, правильная щетина, вежливая улыбка человека, который всегда говорит "добрый день" так, будто ты его лучший друг.

— О, Лера, — говорит он. — Ты от Семеныча?

— А что?

— Да ничего. Просто я у него тоже был сегодня.

Я смотрю на него.

Он улыбается еще приятнее.

— Наконец-то, у нас будет кино. Наконец-то редакция начнет делать не только буквы. И я планирую возглавить это направление. Семеныч мне намекнул.

— Поздравляю.

— Да ладно, не злись. Поработаешь еще, а потом я тебя к себе в отдел возьму.

Какая честь. Я медленно выдыхаю.

— Спасибо. Обойдусь. Мне и в этом отделе хорошо, — говорю я и иду дальше.

— Ну как хочешь, — кричит Вадим мне в след.

Как же хочется врезать по этой слащавой морде. Почему

меня сегодня окружают одни идиоты?

Я возвращаюсь к своему столу, открываю ноутбук и вижу новое письмо. И именно в этот момент мне начинает казаться, что сегодняшний день решил добить меня уже окончательно.

Отправитель:

Варя Кузнецова / приемная Андрея Анатольевича Барского

У меня аж глаз задергался.

Я открываю уже на чистом раздражении, готовая увидеть что угодно — от формального “спасибо, мы подумаем” до красивого корпоративного ничего.

Но внутри все: договор, вводные, цели проекта, справка по заводу, логистика, доступ, референсы, сроки.

И гонорар.

Я сначала просто смотрю на цифру. Потом щурюсь и смотрю еще раз. Потому что, нет, не может быть.

Может.

Этот псих не просто оставил проект за мной, он еще и удвоил сумму. Я тихо выдыхаю и чувствую, как злость внутри меня меняет вкус.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю в экран так, будто он сейчас сам должен мне все объяснить.

То есть он не слил меня. Не решил, что я “слишком эмоциональная”. Не нашел кого-нибудь поудобнее, помягче и

посговорчивее.

Нет.

Он просто взял и прислал мне настоящий большой проект. С масштабом. С живым производством. С доступом туда, куда просто так не пускают. С тем самым форматом, которого у меня до сих пор не было. Еще и удвоил гонорар.

Я сжимаю губы.

Нет, я не к Барскому вернусь. Я вернусь за своим фильмом. За тем самым кейсом, которого у меня нет. И да, еще за тем, чтобы он, не дай бог, не подумал, что я испугалась и слилась.

Потому что этого удовольствия я ему не доставлю даже бесплатно. А уж за двойной гонорар — тем более.

Я смотрю на письмо еще раз.

Встреча завтра в 10:00 остается в силе.

Ну что ж, Андрей Анатольевич. Посмотрим, кто из нас завтра пожалеет, что вообще это начал.

Глава 5. Андрей

Утро начинается хреново.

Уже третий светофор подряд я думаю не о поставщиках, не о графике и не о цехе, а о том, придет ли Савельева.

Придет. Слишком упрямая, чтобы не прийти. Почему-то меня это не успокаивает.

Вхожу быстрым шагом в кабинет, бросаю ключи на стол и сразу снимаю пиджак. На столе уже лежат папки, план обхода, сводка по проекту и распечатка по сегодняшним перемещениям по заводу. Все на месте, так как я люблю.

Только настроение это не поднимает.

Я подхожу к окну. Во дворе мокрый асфальт, внизу грузят паллеты, у второго корпуса дергается погрузчик, двое рабочих курят возле служебного входа. Обычное рабочее утро.

Обычное, если бы у меня в голове не крутилось ее вчерашнее:

«Надо же. А я думала, ты хотя бы вырос».

Я сжимаю челюсть, желваки пускаются в пляс.

Очень смешно.

На столе мигает внутренний телефон.

— Да.

— Андрей Анатольевич, Виктор Аркадьевич ждет, — говорит Варя.

— Пусть заходит.

Виктор Аркадьевич входит через секунду. Спокойный и собранный, как всегда. В руках планшет, под мышкой папка. Иногда меня поражает его самообладание в любой ситуации.

— Доброе утро, Андрей Анатолич.

— Доброе, и давайте сразу к делу.

Он открывает планшет, но я уже начинаю:

— Сегодня приедет журналистка Савельева. Проведите ей обзорную экскурсию по заводу. Покажите все базовое: административный корпус, выдув канистр, склад, лабораторию. Ничего не преувеличивайте, не устраивайте показательных выступлений. Завод у нас образцово-показательный, пусть она в этом убедится сама. Я с вами не пойду. Уверен, вы прекрасно справитесь.

Виктор Аркадьевич кивает.

— Мы подготовили вопросы, ответы на которые хотели бы включить в фильм. Сразу передать их ей?

— Передайте. Но не ограничивайте ее только этим списком. Интересно посмотреть, что она еще спросит.

Виктор чуть приподнимает бровь.

— Понял.

— Сотрудников предупредите: отвечать по делу, не уминичать, не юлить и не строить из себя экскурсоводов. Пусть занимаются тем, за что получают зарплату.

— Хорошо.

Я беру со стола ручку, кручу в пальцах, вспоминаю, не

забыл ли чего-то важного.

— И еще. Давайте сегодня обойдемся без постановочных видео. Без “вот здесь вы встанете”, “вот здесь он скажет”, “вот здесь красиво про ценности компании”. Это все потом. Сначала пусть просто посмотрит.

— То есть сегодня свободный обход?

— В пределах разумного, Виктор Аркадьевич. Не путайте “свободный” с “хаотичный”.

— Разумеется.

Я киваю на бумаги.

— Ну и не оставляйте ее одну. Мне не нужен на территории человек, который гуляет где хочет.

— Я вас понял.

Он делает паузу, потом все же добавляет:

— Вы точно не хотите присутствовать?

Вот тут я поднимаю на него глаза.

— Нет.

Отвечаю слишком быстро. И это раздражает еще больше.

Я медленно выдыхаю и говорю уже ровнее:

— Сегодня мне там делать нечего. Пусть смотрит. Обойдетесь без меня. Потом уже будем действовать по плану, когда поймем, что именно она видит и куда вообще смотрит. И как представляет себе будущий фильм.

— Хорошо.

Он собирает бумаги и выходит. Я остаюсь один и тут же чувствую, как между лопаток наливается тяжелая тупая

злость.

Да что за бред. Я просто не хочу снова сорваться. И у меня есть более важные дела, чем прогулка по заводу с дерзкой журналисткой

Я сажусь за стол, открываю ноутбук, пытаюсь читать отчет по поставкам полимеров, но взгляд скользит по строкам, не цепляясь ни за одну цифру. Слова расплываются. Я раздраженно захлопываю крышку, встаю, опять иду к окну.

По двору уверенной походкой шагает Туманова. Горло почему-то сжимается.

Сегодня она выглядит еще собраннее, чем вчера. Светлая блузка, темные брюки, волосы собраны в хвост. Идет быстро, спина прямая, подбородок чуть вздернут. Уже по походке видно, что она приехала воевать.

Ее встречает Виктор Аркадьевич и сразу начинает что-то ей объяснять. Спокойно, размеренно, своими прямыми рублеными движениями. Она слушает, потом что-то отвечает. Я не слышу их разговор, но четко вижу, что отвечает она резко. Кисть дергается, плечо чуть уходит назад. Судя по всему, с чем-то кардинально не согласна.

Я непроизвольно хмыкаю. Да кто бы сомневался.

Они быстро исчезают из поля зрения.

Я с силой провожу ладонью по затылку. Все нормально. Виктор Аркадьевич – кремень. Вывести его из равновесия – задача невыполнимая даже для Савельевой. Переживать не о чем.

Возвращаюсь к столу. Через минуту не выдерживаю.
Черт.

Включаю программу просмотра камер видеонаблюдения.
Я не слежу. Я просто проверяю, как там идет обход.

Нахожу их у входа в цех выдува канистр. Первым появляется Виктор Аркадьевич, за ним сразу Лера.

Они проходят вглубь корпуса. Я вижу, как Виктор продолжает говорить, а Лера уже не столько слушает, сколько смотрит по сторонам. Но не как гость, а как разведчик, который пытается найти подвох, прочитав между фраз проводника то, что тот замалчивает.

Меня это снова цепляет. Вот ведь зараза.

Я уже хочу выключить просмотр, когда в кадр вдруг влетает черное пятно. Крош. Только тебя и не хватало.

Ворон делает круг под потолком, резко ныряет вниз и, судя по тому, как Лера вскидывает руку, что-то у нее выдергивает. Ручку, кажется. Или карандаш. Неважно.

Важно другое.

Она не шарахается, не отскакивает в панике, не округляет глаза.

Она на секунду замирает, потом поворачивается к птице всем корпусом и начинает что-то говорить. Жестко, даже раздраженно. И отсюда видно по ее лицу и по рукам, что она разговаривает с ним, как с мелким карманником, которого поймали с поличным.

Крош садится чуть выше, наклоняет голову. Она делает

шаг. Виктор вскидывает руку, явно пытаясь вернуть процесс экскурсии по заводу в русло.

Уголок моего рта дергается вверх. Вот ненормальная.

Я отхожу от монитора, и в этот момент звонит мастер первого цеха. Напряженным голосом громко и быстро тараторит про складскую линию, про погрузчик, про то, что стеллаж повело после удара, сейчас пытаются все исправить, но лучше мне лично подойти.

Я уже иду к двери, пока он договаривает. Мысленно вспоминаю все ругательные слова, которые знаю. Нашли время для ЧП, епрст.

Пuls подскакивает сразу. Я терпеть не могу сбои на линии, а тем более, когда они происходят в самый неподходящий момент. Хотя для сбоев трудно подобрать подходящий момент, конечно. Но сейчас там сейчас Виктор и Савельева, черт бы ее побрал. И все это вместе слишком быстро складывается в плохую комбинацию.

Почти сбегая вниз по лестнице и быстро дохожу до нужного корпуса. В цех захожу на ходу, чувствуя, как жар бьет в лицо. Воздух плотный, влажный, шум вибрирует в груди. Только сегодня еще и раздражение пульсирует под кожей.

Я вижу Виктора и Леру сразу. Разумеется, она уже стоит не там, где ей положено быть, а чуть в стороне, ближе к линии, смотрит не на “красивую” часть маршрута, а туда, где как раз суетятся возле стеллажа. Виктор что-то говорит ей. Она отвечает. По губам я не читаю, да и не надо, и так видно,

что все идет не по плану.

Я подхожу к ним, чувствуя, как между лопаток все сжимается.

— Валерия. Простите, что задержался. Пройдемте в лабораторию — Стараюсь быть максимально отстраненным и вежливым. Нужно срочно увести ее отсюда.

Она оборачивается так резко, будто только этого и ждала. Она сначала вспыхивает и уже набирает воздуха для ответа, но быстро собирается.

— Я бы хотела пройти цех до конца, пообщаться с рабочими, — отвечает она. — Или общение тоже под запретом?

У меня в груди коротко бьет жаром.

— Сегодня в этом нет необходимости. Сегодня обзорная экскурсия для понимания масштабов и выстраивания концепции будущего фильма.

— Но мне показывают только верхушку айсберга.

— И этого достаточно для первого дня.

— Для рекламного ролика, возможно.

Виктор делает шаг между нами.

— Андрей Анатолич, я как раз...

— Я сам, — обрываю я, не глядя на него.

Потому что справа в этот момент кто-то орет резким командным голосом. Я поворачиваю голову и сразу понимаю, что уйти не успеваем.

Погрузчик неловко сдает назад. Край вилы цепляет тяжелый стеллаж с канистрами. Верхняя секция идет, качается,

и у меня внутри все срывается в один жесткий короткий импульс и в животе все сжимается.

Лера стоит слишком близко.

Я не думаю. От слова «совсем».

За долю секунды хватаю ее за локоть, резко дергаю на себя, разворачиваю вместе с собой и вжимаю в грудь так, что у нее воздух срывается на выдохе.

Сверху грохочет пластик.

Что-то летит вниз, рассыпается, бьется о пол, кто-то кричит, погрузчик глохнет, а я стою, прижав ее к себе, и чувствую слишком много сразу.

Ее волосы у моего подбородка. Ее пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся мне в рубашку. Ее горячее, сбитое дыхание прямо в шею.

И свое сердце. Слишком громкое и быстрое, вообще не к месту.

Лера замирает. Потом медленно поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза. У меня пересыхает во рту.

Ее надо сразу отпустить.

Сразу, Барский!

Но я почему-то все еще держу, и это уже плохо.

Глава 6. Валерия

Запрыгиваю в такси и смотрю на часы. Пальцы не с первого раза попадают по ремню безопасности. Блин, могу опоздать.

— Побыстрее, пожалуйста, если можно. — говорю таксисту.

Ну как так можно? Сорок минут у зеркала потратить на выбор одежды? Лера, ты бьешь все рекорды. В какой момент твой внешний вид стал так много значить для тебя? Работа в первую очередь, помнишь?

А теперь осталось только опоздать для полного счастья, и дать Барскому повод упрекнуть меня в непрофессионализме.

Машина подъезжает к заводу ровно в 9.55, и у меня снова неприятно сжимается живот. Я набираю в легкие воздух и выхожу, поправляя сумку на плече, и поднимаю подбородок выше.

Никакой слабости, никакого прошлого.

Сегодня я здесь не девочка, которую можно поддеть одной фразой. Сегодня я здесь человек, который пришел сделать крутой материал. И если кому-то это не нравится, пусть идет в...свой шикарный кабинет.

Во дворе меня встречает представительный мужчина.

Конечно, разве Барский позволит себе снизойти до про-

стой журналистки.

Мужчина представляется Виктором Аркадьевичем. Выглядит безупречно, но какой-то весь правильный, безэмоциональный. Интересно, он живой вообще? Может робот. От Барского чего угодно можно ожидать.

— Доброе утро, Валерия, — произносит он так, будто зачитывает начало протокола.

— Доброе утро.

— Прошу за мной.

Ну конечно. Ни тебе “рады видеть”, ни “как добрались”, ни даже минимальной попытки сделать вид, что заинтересованы в моей работе. Стерильность, вежливость и запах административного контроля.

Мы идем по двору, и он продолжает озвучивать инструкции. Говорит в каком-то идеальном темпе человека, который всю жизнь привык, что его слушают не потому, что интересно, а потому, что это часть работы.

Мне в руки ложится список правил и вопросов, маршрут, цеха, фамилии сотрудников, несколько заранее подготовленных тем.

— Это ориентировочные вопросы и правила хождения в границах завода, — говорит Виктор Аркадьевич. — Чтобы упростить вам работу на первом этапе.

Я смотрю на лист.

Потом на него.

— На первом этапе?

— Да. Для первичного понимания производства.

Я сдерживаюсь секунды две.

— А если мне захочется спросить что-то не из списка, у вас сигнализация сработает?

Он смотрит на меня спокойно и даже бровью не ведет.

— Если вы будете задавать вопросы по существу, проблем не возникнет.

— Какое облегчение.

Он делает вид, что не слышит сарказма. Или слышит, но считает, что реагировать на него ниже его административного достоинства.

— Сегодня Андрей Анатольевич в обходе участия не принимает, — сообщает он.

Вот эта фраза почему-то цепляет сильнее, чем должна.

Я перелистываю листок, будто мне безумно интересен шрифт.

— Правда? Как жаль.

— У него плотный график.

Ну да, я и не сомневалась. Какая замечательная причина, чтобы не встречаться. Но так даже лучше. Не будет отвлекать меня от моей работы.

Но внутри нарастает непонятное раздражение. То есть хлопнуть мне в лицо своим “не уверен, что могу доверять проект” время у него нашлось. А выйти сегодня — уже нет?

Прекрасно.

Типичный самодур.

Мы выходим в переход к первому цеху. Жарко становится еще до того, как за нами закрывается дверь. Воздух плотный, шум живой, все движется, гудит, работает. Вот это уже мне нравится. Тут не стекло и не пафосная мужская территория. Тут настоящее производство.

Я вдыхаю глубже. Это очень хорошо. Нужно внимательно присмотреться и найти все, что мне тут может пригодиться для фильма.

Виктор Аркадьевич что-то объясняет про этапы выдувания, про объемы, про линии, про поставки. Я слушаю вполуха и параллельно смотрю по сторонам.

На людей. На темп. На процесс. На то, кто работает спокойно, а кто косится на Виктора Аркадьевича. На то, где пластик идет гладко, а где у края линии лежит что-то явно не для показа.

Надо подойти поближе.

Я уже замечаю, что один из рабочих явно знает больше, чем готов рассказать при начальстве, когда над самой головой вдруг проносится черная тень.

Я рефлекторно вскидываю голову.

Ворон.

Огромный, лоснящийся, наглый, как будто он не просто птица, а владелец контрольного пакета акций завода.

Ворон делает круг, снижается и так нагло выдергивает у меня из руки ручку, что я на секунду просто не верю в происходящее.

— Эй!

Он садится на балку чуть в стороне и смотрит вниз, зажав мой трофей в клюве.

— Ну это верх наглости, — говорю я. — Верни мне ручку.

— Это Крош, ворон Андрея Анатольевича. И это его любимое развлечение. Вряд ли он отдаст сейчас ручку. В лучшем случае, притащит в кабинет.

Ворон склоняет голову.

— Не очень гостеприимно с твоей стороны. Это моя ручка. Она мне нужна. Верни ручку, пока я не решила, что ты отлично смотришься с яблоками.

Крош молчит.

Сволочь пернатая.

— Ясно, — говорю я. — Вы с Барским сговорились. Ничего, я учту и в следующий раз буду готова к дерзким птичьим выходкам.

И как будто по заказу за спиной раздается знакомый голос:

— Валерия. Простите, что задержался. Пройдемте в лабораторию.

Я разворачиваюсь слишком резко.

Барский стоит в нескольких шагах, уже без пиджака, в черной рубашке с закатанными рукавами. Выражение лица у него не то раздраженное, не то насмешливое, но взгляд сразу цепляет меня и уже не отпускает.

Вот, значит, как. Ну уж нет, я еще тут не закончила.

— Я бы хотела пройти цех до конца, пообщаться с рабо-

чими, — сухо отвечаю. — Или общение тоже под запретом?

В глазах Барского мелькает то ли напряжение, то ли раздражение, но он держится вежливо.

— Сегодня в этом нет необходимости. Сегодня обзорная экскурсия для понимания масштабов и выстраивания концепции будущего фильма.

— Но мне показывают только верхушку айсберга.— пытаюсь возмутиться.

— И этого достаточно для первого дня.

— Для рекламного ролика, возможно.

Виктор Аркадьевич делает шаг к нам, явно собираясь вернуть разговор в унылое деловое русло.

— Андрей Анатолич, я как раз...

— Я сам, — рычит Барский.

И в этот момент рядом с нами что-то резко меняется. Сначала короткий крик, потом визг погрузчика, потом очень мерзкий звук металла.

Я поворачиваю голову и вижу, что большой стеллаж с канистрами качается.

На секунду все вокруг будто замедляется. Кто-то орет. Кто-то машет руками. Первая канистра падает вниз, за ней вторая, третья, и весь верхний ряд начинает ехать в сторону.

Я стою слишком близко. Это я понимаю сразу и слишком отчетливо.

Но сдвинуться не успеваю.

Меня дергают так резко, что из груди вырывается воздух.

Чья-то рука жестко хватает меня за локоть, разворачивает, и в следующую секунду я уже врезаюсь лицом в чью-то грудь. Твердую, горячую, живую.

Барский.

Сверху грохочет пластик. Что-то валится на пол, катится, бьется. Шум стоит такой, что уши закладывает. А я стою, вжатая в него, и почему-то именно это чувствую отчетливее всего.

Его ладонь у меня между лопаток.

Вторая на локте. Ткань рубашки под пальцами.

Я чувствую запах чего-то чистого, теплого, мужского, с еле заметной горечью. И то, как меня вдруг, совершенно без предупреждения, бросает в жар.

С ног до головы. Так резко, будто меня окунули в чан с горячей водой.

Я поднимаю голову.

Он смотрит на меня сверху вниз. Настолько близко, что я вижу, как у него дергается мышца у виска и как быстро он дышит.

Не могу вымолвить ни слова. Пытаюсь сообразить, что происходит и как действовать дальше. Но Барский отпускает меня также резко, как схватил.

Отходит на полшага, разворачивается к Виктору и рывкает так, что даже я вздрагиваю:

— Какого хрена вы без касок?

Виктор Аркадьевич, кажется, в жизни не вздрагивает, но

сейчас у него лицо чуть жестче обычного.

— Это первый проход, Андрей Анатолич. Мы не заходили в...

— Меня не интересует, куда вы “не заходили”, — обрывает Барский. — На производстве люди должны быть в касках. Все. Без исключений.

— Я понял.

— Отлично. Тогда сделайте так, чтобы техника безопасности впредь соблюдалась без «но».

В цехе еще гулко перекачиваются по полу канистры, рабочие уже поднимают стеллаж, кто-то ругается на водителя погрузчика. А у меня в ушах все еще стучит кровь, и я до смешного остро чувствую, как горят щеки.

Горячее начало, ничего не скажешь.

Барский поворачивается ко мне. И уже в следующую секунду на лице у него совсем не та эмоция, которая была несколько секунд назад, а холодная вежливость.

Вот прямо нарочито.

— Вы не пострадали?

О, ну конечно. Давайте сделаем вид, что ничего не было. Или мне действительно показалось?

— Нет, — отвечаю я слишком быстро. — И я очень постараюсь не рассматривать этот инцидент, как покушение.

Уголок его рта дергается.

— Вы, как я вижу, в порядке.

— А вы, как я вижу, не очень этому рады.

Он прищуривается.

— У вас странная манера благодарить.

— У вас странная манера спасать.

— Зато эффективная.

— С этим не поспоришь. Хотя подача у вас, как всегда, хромает.

— А что не так с моей подачей?

Виктор Аркадьевич появляется из ниоткуда и протягивает мне каску. Белую. Чистую. Как издевательство.

Я беру ее и смотрю на Барского.

— Идеальная картинка не складывается, да?

— Это обычный рабочий момент. Это производство, Лера, а не прогулка по оранжерее.

Он смотрит еще секунду, потом отворачивается и кидает Виктору:

— Продолжим в лаборатории через десять минут. Пусть сначала здесь разберутся.

И уже делает шаг в сторону, когда я говорю:

— Зачем в лаборатории?

Он оборачивается.

— Что?

— Если вы все равно здесь, давайте сразу закроем все организационные моменты. Нам нужно обсудить проект, задачи, цели. То, что вам на самом деле нужно. А потом уже можно в лабораторию и куда прикажете.

Виктор Аркадьевич переводит взгляд с меня на Барского

и обратно. Очень аккуратно, но я это замечаю.

Барский тоже.

— На завтра у нас запланировано интервью с директором завода, — говорит Виктор Аркадьевич.

— Отлично. Тогда давайте все обсудим сегодня. Например, после обеда. Или вы все еще не уверены, что мне можно доверять?

Тишина становится очень короткой и очень плотной.

У Андрея на скулах снова проступает то самое напряжение, которое я уже видела вчера. Похоже, он не любит, когда его планы кто-то меняет.

— Вы слишком торопитесь, — говорит он.

— А вы хотите растянуть радость общения на месяцы?

У Виктора Аркадьевича даже палец на папке замирает.

Барский смотрит на меня долго. И от его взгляда мне вдруг снова становится жарко, совершенно не к месту.

Потом он кивает.

Коротко.

— После обеда, — говорит он. — В три. У меня в кабинете.

Я сжимаю каску под мышкой чуть сильнее.

— Хорошо.

— И Савельева?

— Что?

— Постарайтесь больше не подвергать свою жизнь опасности.

Я улыбаюсь.

Очень мило. Очень спокойно.

— Вы волнуетесь за меня, Андрей Анатольевич? Я тронута.

У него в глазах на секунду вспыхивает что-то опасное. И именно в этот момент сверху, с балки, раздается знакомое карканье.

Я поднимаю голову.

Крош сидит там, и создается четкое ощущение, что он надо мной смеется. Но моей ручки в клюве уже нет.

— Вот же гад, — вырывается у меня.

— Осторожнее, — сухо говорит Барский. — Он обидчивый.

— Да? Видимо, берет пример с хозяина.

Виктор Аркадьевич кашляет в сторону. Не уверена, но, кажется, он только что едва не усмехнулся.

Барский смотрит вверх, потом снова на меня.

— В три, — повторяет он.

И уходит к мастерам, даже не дожидаясь ответа.

Я стою посреди цеха с каской, с бешеным пульсом, с жаром под кожей и с абсолютным пониманием, что после обеда все станет только хуже.

Глава 7. Андрей

Я возвращаюсь в кабинет со жгучим желанием уволить полцеха. Несколько секунд стою посреди кабинета, сжимая и разжимая кулаки, потом беру себя в руки и выбираю альтернативный вариант: просто смотрю в стену и считаю до десяти.

Внутри все ходит ходуном. Раздражение, злость, бессилие смешиваются в один вязкий ком под ребрами. Ну надо же было этому криворукому водителю погрузчика так накосячить. И выбрать для этого самый подходящий момент, когда по цеху ходит журналистка, которую я сам же и нанял.

Я очень вовремя оказался рядом. Успел выдернуть ее из-под удара. При одной только мысли об этом живот сжимается короткой судорогой, но я сразу отбрасываю эти мысли в сторону. Она тут ни при чем. Любого бы выдернул. А вот прижал бы не любого. Так, все. Проехали.

Я прохожу к столу и упираюсь ладонями в край столешницы. И Виктор Аркадьевич удружил. Как можно было водить по заводу человека без каски? Я стискиваю зубы, под рубашкой между лопаток снова натягивается тугая, горячая злость.

Без каски, мать вашу.

Какого черта вообще кто-то в цехе без каски? Мне теперь по каждому цеху лично ходить и проверять, кто во что одет?

Или повесить над входом табличку: «Если вы не в каске, значит, вы уволены»?

Я выпрямляюсь, беру со стола телефон и уже собираюсь вызывать начальника участка, когда экран загорается входящим.

Мама.

Черт. Ну совсем не вовремя. Я смотрю на экран несколько секунд, чувствуя, как раздражение пульсирует в кончиках пальцев, но к ней это не относится. Выдыхаю и принимаю вызов.

— Да, мам.

Голос у меня выходит суше, чем хотелось бы. Я слышу это сам и сразу ощущаю короткий укол раздражения на себя.

— Андрюша, ты занят? — спрашивает мама.

И все. Одной этой интонации хватает, чтобы внутри немного отпустило. Я откидываюсь в кресле, закрываю глаза на секунду и чувствую, как плечи опускаются.

— Уже нет. Что случилось?

— Ничего не случилось, не пугайся. Я просто хотела спросить, ты когда к нам приедешь? Мы с папой уже соскучились.

Я невольно выдыхаю чуть тише, чем обычно.

— В воскресенье не смогу, мам. Давай в пятницу?

— Хорошо, — она делает короткую паузу, и я уже понимаю, куда сейчас свернет разговор. — Ты с Олечкой приедешь? Мы с папой будем рады.

Я закрываю глаза и медленно провожу пальцами по пере-

носице, растирая напряжение, которое разлилось под кожей. Олечка. Мы расстались два месяца назад, а маме я так и не сказал. Не хочу я все это объяснять. Не хочу слушать ее вздохи, осторожные вопросы и это обязательное материнское «А я сразу чувствовала, что что-то не так».

— Мам, у нее проект, — говорю я ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Она занята.

— Опять проект? — в голосе мамы появляется легкая грусть. — Вы оба все время занятые. Когда уже...

— Мам, — перебиваю я мягко, но сразу, пока она не разогналась. — Я приеду один. Хорошо?

На том конце короткая тишина. Она у меня лучшая. Давить не будет.

— Хорошо, сынок. В пятницу тогда?

— Да.

— Ладно, ждем. И береги себя.

Я усмехаюсь уголком рта, хотя она этого не видит.

— Берегу.

— Вот и молодец.

Она отключается, а я еще несколько секунд держу телефон в руке, глядя на потухший экран. С Ольгой мы расстались не потому, что «не сошлись характерами» и не потому, что кто-то из нас «остыл». Я такие формулировки терпеть не могу. Они для людей, которые любят красиво прятать дерьмо под мягкие слова.

Оля меня предала. Точка.

И больше я об этом думать не хочу. Особенно сейчас, когда у меня и без этого в голове слишком много лишнего.

Я кладу телефон на стол и в этот момент слышу знакомое хлопанье крыльев.

Крош.

Он влетает через приоткрытое окно, делает круг под толком, садится на шкаф, потом спрыгивает на стол и с победным видом кладет передо мной ручку.

Тонкую, синюю, с серебристой вставкой и логотипом редакции.

Я смотрю на нее, а потом на Кроша. Он тоже смотрит на меня своим блестящим черным глазом, наклонив голову набок, и у меня абсолютно четкое ощущение, что эта пернатая шпана сейчас ухмыляется.

— Ты издеваешься? — спрашиваю я.

Крош переступает лапами и важно каркает. Коротко, горланно, с явным удовольствием.

— Нет. Даже не начинай.

Я беру ручку двумя пальцами и швыряю ее в мусорную корзину. Крош провожает ее взглядом, потом молча спрыгивает вниз, ковыряется в корзине секунды три, выуживает ручку обратно и с торжественным видом снова кладет ее на стол. Рядом с ноутбуком. Очень аккуратно.

Я медленно выдыхаю сквозь зубы.

— Ты сейчас серьезно? Зачем она мне?

Крош каркает.

— Я не собираюсь хранить у себя ее ручку.

Кар.

— Это вообще ничего не значит.

Кар.

— И нет, я не буду ей лично ее возвращать.

На слове «лично» я осекаюсь сам, потому что это прозвучало как-то подозрительно адресно. Крош наклоняет голову и смотрит на меня с видом заговорщика.

Я беру ручку и на этот раз убираю в верхний ящик стола.

— Все. Доволен?

Крош издает короткий гортанный звук, который можно трактовать как угодно. Я предпочитаю трактовать его как согласие.

— Отстань.

В дверь стучат.

— Да.

Входит Виктор Аркадьевич. И по его виду сразу понятно, что хороших новостей можно не ждать. Ну давай, расскажи мне, как все сложно.

— Андрей Анатолич, — начинает он.

— Говорите.

Он делает шаг вперед, но не садится.

— Савельеву я проводил до столовой. Но у меня...

Он замолкает, подбирая слова. Я молчу тоже. Пусть себе-рется.

— Я хотел еще раз вернуться к вопросу о выборе журна-

листа для этого проекта, — говорит он наконец.

— Зря. Но раз уж вернулись, продолжайте.

Он не реагирует на сарказм. Никогда не реагирует.

— Она неудобная, — говорит он тихо, почти доверительно.

— Наблюдательное замечание.

— Она смотрит не туда, куда ее ведут. Слушает не то, что ей говорят, а то, что между слов. И задает вопросы так, будто уже заранее уверена, что где-то ее пытаются обмануть.

Он снова делает паузу, и я чувствую, куда он клонит.

— И фильм у нее получится совсем не тот, который мы закладывали изначально.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на него в упор.

— А какой вы закладывали, Виктор Аркадьевич?

— Управляемый.

Он говорит это без тени сомнения.

— Андрей Анатольевич, я сейчас не спорю ради спора. Я говорю о рисках. Она сует нос туда, куда не нужно. Если дать ей слишком много свободы, она снимет не витрину, а то, что обычно в нее не включают. И никто не знает, как это потом аукнется. Для переговоров, для партнеров, для имиджа.

Я медленно сцепляю пальцы на животе. Да. Именно это она и сделает. И именно поэтому мне, черт возьми, интересно. Потому что все остальные снимут красивуюдохлуюоткрытку. Чистую, безопасную, стерильную. А она может сделать по-настоящему. Живой фильм. Опасно живой, но на-

стоящий.

— Я знаю, что она сделает, — говорю я.

— Тогда тем более...

— Нет, Виктор Аркадьевич. Это как раз причина оставить ее.

Он чуть меняет хватку на папке. Единственная эмоция, которую он себе позволяет.

— Вы уверены?

— Я уверен. И у меня есть одна мысль.

Он молчит, ждет. Я встаю, подхожу к окну и смотрю вниз. Во дворе мелькают люди. Савельева сейчас сидит в столовой. Наверняка уже мысленно режет меня на куски и склеивает из этих кусочков структуру фильма.

Прекрасно.

— Через две недели у нас в Ворсме Фестиваль народных промыслов, — говорю я, не оборачиваясь.

— Я помню.

— Подготовка идет полным ходом.

— К чему вы клоните?

А я уже разворачиваю в голове план. Ворсма — это другое поле. Не кабинет и не заводская экскурсия под присмотром Виктора. Ворсма — это природа, шум, люди, ремесленники, подготовка. Нормальная живая среда. Там гораздо лучше видно, кто умеет работать, а кто умеет только красиво задавать вопросы на фоне белых стен.

На заводе она уже ищет, где ей врут. Интересно, что она

увидит там, где все живое и естественное.

— Завтра я отвезу ее в Ворсму, — говорю я, разворачиваясь к Виктору. — Покажем ей, чем еще живет завод, кроме канистр и спецжидкостей.

Виктор Аркадьевич смотрит на меня с непроницаемым лицом.

— Вы хотите включить в фильм фестиваль?

— Я хочу включить в фильм все, за что этот завод вообще имеет право себя уважать.

Он молчит несколько секунд, потом кивает.

— Подготовьте мне к вечеру все по Ворсме: график, сметы, кто отвечает на месте, что уже сделано, что в процессе.

— Принял.

— Что-то еще?

— Нет.

— Тогда идите работать.

Он выходит, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я остаюсь один. Прохожу к столу, сажусь, смотрю на ноутбук. Мысль о Ворсме уже пульсирует в голове. Интересно, как она впечатлится масштабом.

Я резко выдвигаю ящик, достаю ручку, кручу в пальцах и тут же швыряю обратно.

Да что ж такое.

На телефон приходит сообщение. Я смотрю на экран без особого интереса.

Савельева.

Левая бровь ползет вверх. Открываю.

«Андрей Анатольевич, меня не ждите. Планы изменились. Буду у вас завтра в 9.00»

Я перечитываю сообщение дважды. Потом медленно, против воли, улыбаюсь. Впервые за весь этот idiotский день.

— Вот зараза, — говорю вслух.

Крош тут же каркает из-под потолка.

— Да. Именно.

Я смотрю на экран еще раз. Упрямая, дерзкая, неуправляемая.

Прекрасно. Значит, завтра в девять.

Моя очередь менять правила.

Глава 8. Валерия

Из цеха я выхожу в полной уверенности, что все под контролем. Подрагивание пальцев, пересохшее горло, горячая волна под ребрами — не считается. Я этого просто не замечаю..

Это был не страх и не шок. Хуже.

Я до сих пор помню его руку у меня на спине, рубашку под пальцами, слишком горячее дыхание. И тот момент, когда все вокруг вдруг исчезло. Осталась только черная ткань, горьковатый запах одеколona и бешеный пульс.

Черт.

Виктор Аркадьевич провожает меня до столовой и уходит. Я быстро прохожу мимо столиков, сворачиваю в туалет, захлопываю за собой дверь и только тогда позволяю себе нормально выдохнуть.

Точнее, пытаюсь. Воздух все равно как будто застревает в груди. Я подхожу к раковине, открываю воду и подставляю ладони под холодную струю. Потом запястья. Из зеркала на меня смотрит женщина, которая очень старается выглядеть собранной. Пока выходит так себе. Щеки горят, глаза какие-то слишком яркие.

— Ну и что это было? — спрашиваю я у себя вполголоса. Отражение, как всегда, предательски молчит. Я упираюсь

ладонями в край раковины и закрываю глаза.

Да что со мной не так? Это был не поцелуй, не признание и не конец света. Меня просто выдернули из-под канистр. Тогда почему внутри до сих пор так коротит?

— Соберись, — говорю я себе уже жестче. — Просто соберись.

Открываю глаза, беру бумажное полотенце, промокаю руки. В три идти к нему в кабинет нельзя. Нельзя ни в каком случае. Нельзя, чтобы он заметил все это. То, что меня выбило из колеи. То, что меня шатает, что я до сих пор слишком остро помню, как он меня держал.

Нет уж. Этого удовольствия я ему не доставлю.

Я достаю телефон и несколько секунд просто смотрю в экран. Потом быстро набираю сообщение, пока не передумала.

«Андрей Анатольевич, меня не ждите. Планы изменились. Буду у вас завтра в 9.00». Смотрю на текст.

Сухо. Нормально. По делу.

Без объяснений и без шанса почувствовать себя победителем.

Отправляю.

Теперь можно выдохнуть и поехать готовиться к завтрашнему дню.

В редакцию я приезжаю через сорок минут, и к этому моменту злость внутри уже не кипит, а оседает тяжелым слоем по краям.

У нас, как всегда, аврал. Шумно, тесно, кто-то орет, кто-то бежит, кто-то уже ненавидит мир и дедлайн.

На входе Мишка из новостей чуть не врежется в меня с кофе.

— О, Савельева. Ты чего такая?

— Какая?

Он смотрит внимательнее.

— Как будто тебе сначала повысили зарплату, а потом ска-
зали, что это была шутка.

— Примерно так и было.

— Жутко. Сочувствую.

— Очень своевременно.

Я прохожу дальше, бросаю сумку на стул и понимаю, что
нужную папку вообще не взяла. Хватаю флешку и понимаю,
что не моя. Открываю ноутбук и секунд десять просто смотрю
в экран, не понимая, зачем села.

Очень профессионально, Лера. Просто блеск.

В дальнем углу орет монтажер:

— Я не волшебник! Если звук умер, я его не воскрешу!

Катя-корректор шипит кому-то за перегородкой:

— Еще раз напишешь “в течении” — и я тебя придушу.

Женька из фото отдела машет мне рукой. Я машу в ответ,
потом дважды открываю не тот файл, потом наливаю себе
кофе и делаю слишком большой глоток. Горячо.

Все просто замечательно. Нужно работать. Нужно пере-
стать вспоминать, как у Барского дернулась мышца у виска,

когда он на меня смотрел сверху вниз.

Хватит. Работа прежде всего.

Я открываю заметки и пишу:

Проект Барского.

Цели.

Завод.

Маршрут.

Что скрывают.

Что хочет спрятать.

Что делает сам.

На последней строчке замираю.

— Ну что, — раздается рядом знакомый голос. — Живая?

Я поднимаю глаза.

Вадим Лысенков.

Ну, конечно. Куда ж без тебя.

Он стоит с кофе, в идеально сидящей рубашке, свежий, гладкий, собранный и до отвращения уместный.

— Смотря для кого, — отвечаю я.

— Для начала для нового отдела.

Я откидываюсь на спинку стула.

— Ты сейчас хочешь поговорить об этом или просто мимо проходил?

Он вежливо улыбается. Почти по-дружески.

— Я вообще-то хотел по-человечески спросить, как у тебя дела с твоим новым проектом.

— Замечательно. Великолепно. Выбирай любое.

— То есть сложно.

— То есть не твое дело.

Он делает глоток кофе и, конечно, не уходит. Такие, как Вадим, никогда не уходят вовремя. Они чувствуют, где у человека болит, и считают это приглашением к беседе.

— Семеныч сегодня на взводе, — говорит он. — Видимо, инвесторы опять хотят все и сразу.

— Какой неожиданный вывод.

— Я серьезно. Под такие истории им нужен человек с холодной головой.

Я медленно перевожу на него взгляд.

Вот. На-ча-лось.

— Спасибо, Вадим. Всегда приятно, когда коллега готов поддержать.

Он ставит кружку на край моего стола. И уже за одно это хочется ткнуть его этой кружкой в лоб.

— Лер, ты во многом сильна, спору нет. Но с большими заказчиками иногда надо не давить, а держать дистанцию. Не реагировать на каждый выпад. Не принимать все так близко.

Я смотрю на него секунды три.

Потом очень спокойно спрашиваю:

— Ты сейчас откуда это все знаешь? Из личного опыта или из методички “как звучать умно, когда тебя не спрашивали”?

У него дергается щека. Совсем чуть-чуть.

Попала.

— Я к тому, что в таких проектах важна управляемость.

— А. Вот оно что.

— Что?

— Ты уже мысленно себя назначил.

— Я мысленно себя не назначаю, — говорит он и снова улыбается той самой мягкой улыбкой, от которой хочется отмыться. — Я просто понимаю, как устроены такие решения.

— Да? А я вот понимаю, как устроены такие разговоры. Обычно их заводят люди, которым очень хочется заранее занять место повыше.

Он наклоняет голову.

— Ты сегодня нервная.

И вот именно это хуже всего.

Не “злая”, “резкая”, “уставшая”. Нервная.

Как будто он видит. Как будто Барский тоже видел.

У меня под кожей мгновенно вспыхивает злость: на Вадима, на себя, на этот чертов день, на проклятый цех, на ка-нистры, на Барского, на его руки, на собственное дурацкое тело, которое решило запомнить все слишком подробно.

— А ты сегодня сохранился с утра, — говорю я. — Я бы

на твоём месте уже давно этот разговор закончила.

Он чуть прищуривается.

— Ладно. Не кипятись.

— Исчезни.

— Только не обижайся потом, если инвесторы выберут не талант, а стабильность.

— Только не перепутай стабильность с унынием, Вадим.

Он берет свою кружку и наконец уходит.

Я смотрю ему вслед и с таким усилием сдерживаюсь, что начинает болеть челюсть.

— Мразь, — говорю себе под нос.

— Кто? — высовывается из-за монитора Катя.

— Все, — отвечаю я.

Она кивает.

— Аргументированно. Люблю, когда позиция четкая.

Я беру телефон и проверяю, не ответил ли Барский. Ничего.

И почему-то это раздражает отдельно.

То есть сообщение он прочитал и просто решил промолчать. Великолепный, взрослый, чрезвычайно воспитанный человек.

Я бросаю телефон на стол чуть сильнее, чем надо.

Работать. Надо работать.

Я открываю чистый документ и начинаю писать вопросы к завтрашнему интервью.

Почему вам так важно контролировать все лично?

Нет, это пока рано.

Удалить.

Почему вы выбрали именно формат фильма, а не стандартную презентацию?

Нормально.

Что вы хотите скрыть за идеальной картинкой завода?

Нет, это уже не вопрос, а попытка воткнуть вилку в розетку.

Удалить.

Что для вас в этом проекте важнее — правда или управляемость?

Я замираю над этой строчкой.

Вот это уже ближе.

Потом открываю вкладку с заметками по новому отделу, с требованиями, с идеями, с тем, чего мне не хватает в портфолио, и впервые за день начинаю дышать чуть ровнее.

Потому что вот оно. Вот зачем все это.

Не Барский, не его кабинет, не эта дурацкая физика, которая случается со мной рядом с ним. А проект. Фильм. Шанс. Мой шанс.

К вечеру редакция чуть выдыхается. Не успокаивается, но хотя бы перестает орать на полной громкости. Я понимаю,

что здесь уже не соберусь, забираю ноутбук и еду домой.

Дома я первым делом скидываю туфли, распускаю волосы и снова зависаю перед зеркалом.

Ничего не видно. И слава богу.

Я умываюсь, переодеваюсь в футболку и домашние штаны, сажусь за стол, открываю ноутбук и раскладываю перед собой блокнот, телефон, ручку.

Вопросы постепенно собираются во внятную структуру. Не идеальную, но уже рабочую. Я пишу, вычеркиваю, представляю местами, снова возвращаю.

Завод.

Фильм.

Социальные проекты.

Реальные цели.

Что он хочет показать.

Что он боится показать.

На слове “боится” я снова останавливаюсь. Потом медленно выдыхаю и исправляю на:

Что предпочитает не афишировать.

Так лучше, точнее.

За окном темнеет. На кухне тихо щелкает чайник. Теле-

фон молчит. Барский тоже молчит. И это, наверное, к лучшему.

Я закрываю ноутбук, подхожу к зеркалу еще раз и распускаю волосы.

Смотрю на себя еще раз. Уже гораздо спокойнее. Уже без этого дурацкого жара под кожей.

Почти.

— Завтра, — говорю я своему отражению. — Я разорву тебя, Барский.

Глава 9. Валерия

Сегодня я собралась на удивление быстро.

День будет понятный и пройдет по моим правилам. Я задаю вопросы — он отвечает. Никаких неожиданностей. Я в своем мире, где все управляемо, предсказуемо и подчинено одной цели: взять интервью и получить крутой материал.

Я надеваю платье, в котором мужчины обычно делают одну и ту же ошибку: расслабляются раньше времени. На ноги босоножки на высоком каблуке. Я люблю так делать перед острыми интервью. Это сбивает собеседника: он видит девушку в платице и на шпильках, расслабляется, перестает ждать подвоха. А потом я начинаю задавать вопросы. И вот тут обычно начинается самое интересное.

Перед зеркалом я задерживаюсь на пару секунд дольше, чем нужно. Платье сидит идеально. Волосы распущены. Серезки маленькие, но заметные. Я не стараюсь ему понравиться, я просто работаю. И выгляжу так, чтобы это помогло работе.

На завод я приезжаю вовремя. В 9.00 уже стою в приемной Барского.

Настрой боевой. В сумке блокнот, ручка, диктофон и список вопросов. Хороших, выверенных вопросов. Я перечитывала их сегодня утром три раза и каждый раз улыбалась. Посмотрим на его реакцию. Посмотрим, как он будет выкручи-

ваться.

У меня даже дыхание перехватывает от предвкушения. Собеседник, блокнот и диктофон — это моя стихия. Здесь я не теряюсь, не краснею, не вспоминаю школьные обиды. Здесь я профи. Сегодня у Барского шансов нет.

Секретарь поднимает на меня глаза.

— Валерия? Проходите, Андрей Анатольевич вас ждет.

Я поправляю сумку на плече, киваю и захожу.

Кабинет встречает меня запахом кофе и бумаги. Андрей стоит у окна. На подоконнике, боком ко мне, сидит Крош и смотрит в стекло с видом уставшего начальника отдела кадров.

Рядом с диваном стоят две пары резиновых сапог. Черные, высокие, блестящие, видимо, совсем новые.

Я смотрю на сапоги. Потом на Барского. Потом снова на сапоги. Внутри закрадывается смутное сомнение. Зачем здесь резиновые сапоги? В каком-то цехе прорвала трубу, и он мне хочет показать потоп?

— Доброе утро, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Начнем интервью?

Он оборачивается.

— Доброе. Обязательно начнем. Но не здесь.

Медленно поправляю сумку на плече.

— В смысле, не здесь? А где?

Моя уверенность в сегодняшнем дне рассыпается на молекулы. Я не люблю сюрпризы. Не люблю, когда планы меня-

ются в последнюю секунду. Я готовилась к кабинету, к столу, к диктофону между нами.

— Мы едем в Ворсму, — говорит он спокойно, как будто я и сама должна была об этом догадаться.

— Куда, простите?

— В Ворсму.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Крош на подоконнике коротко каркает, с явным злорадством.

— Барский, вы издеваетесь? Мы так не договаривались. Зачем мне Ворсма?

Он отходит от окна и останавливается напротив. Руки в карманах брюк. Уверенное и чуть насмешливое выражение лица, как у человека, который уже все решил.

— Моя компания — это не только завод и моторные масла.

— Да, еще спонсорство детского клуба самбо, фестиваль народных промыслов и... — я замолкаю, потому что до меня доходит. — Вы что, хотите отвезти меня туда? Сейчас?

— А почему нет?

— Потому что у нас сегодня интервью. Потому что я готовилась. Потому что я, черт возьми, не в той обуви!

Он опускает взгляд на мои босоножки, потом поднимает обратно. Лицо у него при этом такое, будто он только что услышал очень смешную шутку, но смеяться не будет из принципа.

— Это поправимо. Примерьте сапоги.

— Эти? Категорически нет.

— Там грязно. И, скорее всего, будет дождь.

— Я не поеду.

Он молчит и смотрит прямо на меня. Я понимаю, что он совершенно спокоен, потому что знает: я поеду.

Вот же гад.

Крош спрыгивает с подоконника, перелетает на спинку кресла и садится там, как маленький черный директор на оперативке.

— Вы хорошо осведомлены о наших проектах, — говорит Барский.

— Это моя работа.

— Тем лучше. Значит, ты справишься.

Я замираю на секунду. Ты. Мы перешли на «ты»? С какого перепугу?

— Мы перешли на «ты»? — переспрашиваю я вслух.

— Да брось, — он пожимает плечами, как будто это вообще не тема для разговора. — Зачем все эти условности? Будь проще, Лер. Тем более на природе. Переобувайся.

Я смотрю на резиновые сапоги. Потом на свои босоножки. Потом на Барского.

— В это? Ну уж нет. Обойдусь как-нибудь.

— Хорошо. Возьмем с собой.

Он поднимает сапоги одной рукой и направляется к выходу.

— Даже не думай! Они сорок пятого размера, а у меня

тридцать восьмой.

— Не преувеличивай, они сорок первого. Не на много больше.

Я хочу топтать ногами. Хочу орать, что так не честно, что у меня был план, что я не для того готовилась, чтобы сейчас ехать черт знает куда в резиновых сапогах на босую ногу.

Вместо этого я просто набираю воздух в легкие и медленно выдыхаю.

— То есть интервью отменяется?

— Ни в коем случае, — он говорит это так спокойно и так уверенно, что я почти ему верю. — У нас будет больше часа в машине и на месте. Просто не за столом, а во время прогулки.

Крош каркает. Я готова поклясться, что он смеется.

Машина у Барского большая, черная и пахнет кожей. Я сажусь на заднее сиденье. Пусть будет дистанция.

Крош сидит в переноске, которая пристегнута ремнем к заднему креслу. Переноска открыта, он может вылезти, но почему-то сидит и сверлит меня взглядом.

— И зачем он с нами? — спрашиваю я.

— Мы едем на природу, это его стихия, — отвечает Барский, не оборачиваясь.

— На деловые встречи тоже с собой берешь?

— Не беру. Но здесь он может быть полезен.

Я решаю не спрашивать, в чем именно заключается полезность ворона на фестивале народных промыслов. Боюсь,

что ответ мне не понравится.

Первые десять минут я злюсь. Сажу, сложив руки на груди, и смотрю в окно. За стеклом проплывают дома, светофоры, какие-то машины. Я перебираю в голове список вопросов, которые готовила, и понимаю, что половина из них в машине не сработает. Вопросы про завод, про управление, про контроль будут звучать глупо, когда мы едем за город с вороном в переноске.

Я закрываю глаза. Надо собраться. Надо взять себя в руки.

— Лер, — говорит он через несколько минут. — Хватит дуться. Тебе же самой интересно, чем я еще занимаюсь.

— Мне интересна моя работа.

— Вот и работай.

Я открываю глаза. Смотрю на его затылок, на плечи, на руку, лежащую на рычаге коробки передач. Потом достаю диктофон и включаю его.

— Андрей Барский, вы часто берете журналистов в заложники?

Он смеется. Я вижу это в зеркале заднего вида.

— В первый раз.

— И как вам?

— Посмотрим.

Крош в переноске каркает. Я поворачиваюсь к нему.

— Тебя не спрашивали.

Он каркает снова и вылезает из переноски. Перебирается на спинку переднего сиденья, садится там и смотрит на меня

сверху вниз.

— Он будет так делать всю дорогу? — спрашиваю я.

— Скорее всего.

— Прекрасно.

Я откидываюсь на спинку сиденья. Платье задирается чуть выше колена, я одергиваю его и думаю о том, что через час буду ходить по грязи на десятисантиметровых каблук-ках. Или надену эти дурацкие сапоги. И буду выглядеть как в анекдоте: платье от кутюр, ноги в резиновых сапогах.

Город остается позади. За окном проносятся поля, дерев-ья, небольшие деревеньки.

— Во сколько мы вернемся? — спрашиваю я.

— Все в твоих руках. Может, тебе так понравится, что решишь остаться до утра. — улыбается Барский.

— Не дождешься.

Крош каркает.

— Смейся-смейся, — говорю я ворону. — Я тебе припом-ню.

Мы въезжаем в лес. Дорога становится уже, асфальт сме-няется грунтовой. Машину начинает потряхивать. Я вцеп-ляюсь в сиденье, потому что на этих каблуках даже сидеть на кочках — отдельное удовольствие.

— Мы скоро приедем? — спрашиваю я.

— Через пять минут.

— Слава богу.

Крош перелетает с переднего сиденья на подголовник мо-

его кресла. Я чувствую, как его когти скребут кожзам прямо у моего уха.

— Сядь нормально! — говорю я.

Он не садится. Он наклоняет голову и заглядывает мне в лицо. В упор.

— Он оценивает, — спокойно говорит Андрей.

— Кого?

— Тебя. Он так делает, когда решает, хороший человек или нет.

— И как, хороший?

Крош каркает. Коротко, как будто говорит «посмотрим».

— Так я и думала, — вздыхаю я.

Машина останавливается. Я выглядываю в окно. Вокруг лес, поляна, несколько деревянных домиков. Вдалеке что-то строят — стучат молотки, перекликаются люди.

— Приехали, — говорит Андрей и выключает двигатель.

Я сижу еще секунду, собираясь с духом. Потом открываю дверь. Выхожу и сразу по щиколотку проваливаюсь в мягкую, но абсолютно реальную грязь.

— Черт! — говорю я, балансируя на одной ноге.

Крош вылетает из машины следом, делает круг и садится на крышу. Я готова поклясться, что он злорадствует.

Андрей подходит ко мне, достает из багажника сапоги и молча ставит их передо мной.

— Я их не надену, — говорю я.

— Дело твое, — он пожимает плечами и идет вперед, даже

не оборачиваясь.

Я смотрю на его спину, на свою правую туфлю, которая теперь напоминает шоколадный эклер. Потом перевожу взгляд на сапоги. Черные, резиновые, совершенно уродские.

Крош каркает. Кажется, он говорит: «Я же предупредал».

Я медленно выдыхаю.

— Ну все, — говорю я себе. — Приехали.

Сапоги велики. Пальцы внутри болтаются, пятка ерзает, но это лучше, чем убивать туфли в первый же час.

Я забираю из машины сумку, вздыхаю и иду за Барским.

Крош сидит на капоте и ждет.

— Проводишь? — спрашиваю я его.

Он каркает и взлетает в сторону леса.

— Барский! — кричу я. — Твой ворон сбежал!

— Он знает дорогу, — доносится из-за деревьев.

Я смотрю на свои резиновые ноги, на лес, на небо и иду вперед.

Потому что работа есть работа.

И потому что этот чертов фестиваль, этот чертов Барский и эта чертова птица еще узнают, с кем связались

Глава 10. Валерия

Я с трудом догоняю Барского. Сапоги слетают и это раздражает. Но еще больше меня раздражает Барский.

Он идет впереди по деревянному настилу между павильонами, кивает людям, бросает короткие фразы, что-то спрашивает на ходу, где-то тормозит на секунду, где-то тут же принимает решение. И мне постепенно становится очень неудобно от одной простой мысли: его здесь реально уважают.

Не бояться, не делают вид и даже не изображают деятельную любовь к начальству. Они его уважают. Это видно по мелочам. По тому, как к нему подходят без суеты. По тому, как слушают. По тому, что он никого не строит ради красивого эффекта, а говорит по делу и сразу в точку.

Я иду следом, стараясь не смотреть на него слишком внимательно. Получается плохо.

У дальнего навеса двое мужиков спорят из-за разгрузки досок. Андрей подходит, смотрит секунд пять, задает два вопроса и решает все за полминуты, не повышая голоса. Один уходит звонить, второй уже тащит рулетку.

— Слушай, а это сюда не встанет, — говорит ему кто-то из рабочих.

— Встанет, если ты посмотришь с другой стороны. Попробуй повертеть, переверни, наконец, — отвечает Андрей.

И самое противное, тот не обижается. Усмехается и идет делать.

Я замедляю шаг. Что-то у меня не сходится.

В кабинете он выглядит человеком, который всегда прав, всегда главный и слушает других только из вежливости. Если вообще слушает. А здесь у него даже глаза другие. Жесткие, да. Но живые. И когда он смотрит на всю эту стройку, настилы, столбы, озеро, людей с ящиками и мотками проводов, у него взгляд человека, которому это все по-настоящему нравится.

Упс. А это уже неприятное открытие. Не такой уж он самодовольный самодур, как мне хотелось думать.

Я тут же одергиваю себя. Стоп, Лера, соберись. Сейчас еще начни его уважать, потом искать оправдания и подсвечивать его поступки с лучшей стороны. В этом случае можно сразу увольняться в связи с профнепригодностью.

— Андрей Анатольевич, — говорю я ровно, когда он наконец останавливается у длинного резного стола под навесом. — Если экскурсионная часть окончена, я бы хотела приступить к интервью.

Он переводит на меня взгляд.

— Тебе не нравится прогулка на свежем воздухе? Странно. В школе, насколько я помню, ты любила походы.

— Это не имеет значения. Я на работе и предпочла бы приступить к своим непосредственным обязанностям.

Уголок его рта дергается.

— Ох, как все серьезно. Ну тогда садись. У тебя есть целый час, чтобы спросить меня обо всем, что тебя интересует. И я не женат, если что.

— Вот это меня абсолютно не интересует. Ты не в моем вкусе, Барский.

Я сажусь за стол и только сейчас чувствую, как у меня горят уши. Этого еще не хватало. Хорошо, что под волосами не видно. Я достаю блокнот с ручкой и диктофон. Рядом на лавку с важным видом плюхается Крош и смотрит на меня как инспектор по качеству. Я на всякий случай держу ручку крепче.

Через минуту две милые улыбчивые женщины лет шестидесяти приносят нам тарелку с блинами, несколько пиал с вареньем, сметану и графин компота. Я смотрю на это с подозрением.

— Кушайте с удовольствием, — добродушно произносит одна из женщин, многозначительно улыбается, и они обе удаляются.

Я моргаю.

— У тебя интервью всегда проходит с таким размахом?

— Обычно я не даю интервью, так что у тебя эксклюзив, — отвечает Барский явно с каким-то подтекстом. — А подкрепиться на природе всегда приятно. Попробуй.

Я вздыхаю и беру блин, свернутый аккуратно в трубочку. В этот момент Крош прыгает рядом на стол, резко вытягивает шею, цапает блин и взмывает с ним на навес.

Я смотрю на пустые пальцы. Потом наверх. Потом на Барского.

— Это был мой блин — говорю я.

— Да, — невозмутимо отвечает Андрей.

— И ты считаешь это нормальным?

— Я считаю, что нужно быть всегда готовым к неожиданностям. Особенно журналисту. Разве нет?

Я смотрю на него испепеляющим взглядом. Он берет себе другой блин и как ни в чем не бывало макает в варенье.

Хочется придушить его собственными руками. Но нет, я не позволю ему вывести меня из равновесия.

Я раскрываю блокнот и уже набираю воздуха, чтобы задать первый вопрос, когда на стол с мокрым шлепком плюхается маленькая зеленая лягушка.

Я застываю.

Потом медленно поднимаю глаза на Кроша.

Он сидит наверху, очень довольный собой.

— Это справедливый бартер, — говорит Барский.

— Это издевательство.

Лягушка делает один прыжок, второй, я инстинктивно поджимаю ноги под лавку и слышу собственный совершенно непрофессиональный писк.

Андрей отворачивается и кашляет в кулак. Он что, тихо смеется? Сволочь.

Я сижу, пытаюсь взять себя в руки. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки от злости и невозможности контроли-

ровать ситуацию.

В этот момент к нам подходят двое рабочих с вопросом по размещению павильонов. Потом еще один с какими-то ключами. Потом звонит телефон. Потом мимо пробегает мальчишка и кричит Андрею что-то про качели в детской зоне.

Я закрываю блокнот.

— Потрясающе, — говорю я. — Это самое продуктивное интервью в моей жизни.

Барский смотрит на меня внимательно, потом кивает.

— Поехали на другой берег.

— Зачем?

— Там очень красиво и тихо. Никто не будет отвлекать нас.

— И эта наглая птица?

— Думаю, мы с ним договоримся.

До другой стороны мы не доезжаем.

Барский давит на тормоз так резко, что Крош сзади возмущенно хлопает крыльями, а я вцепляюсь в дверцу и шиплю сквозь зубы что-то очень непечатное.

— Что опять? — спрашиваю я.

— Форс-мажор.

Я смотрю вперед.

Поперек дороги валяются бревна. Длинные, мокрые, тяжелые. Некоторые уже скатились в канаву, остальные лежат так плотно, что объехать их можно только на вертолете. Рядом мнется мужик в кепке и с таким спокойным лицом, буд-

то все по плану.

Барский выходит первым, и я выбираюсь следом, придерживая платье.

— Лесовоз растрясло, — объясняет мужик, даже не дожидаясь вопроса. — Водила пошел трактор искать. Тут быстро не будет.

Я поднимаю голову к небу, и оно перестает мне нравиться. Серая муть сгустилась в низкие тяжелые тучи, и воздух стал каким-то слишком плотным, будто перед грозой.

— Так, стоп, — говорю я. — Ты же сейчас не скажешь «ничего страшного, пройдем пешком», правда?

Барский молчит.

Я закрываю глаза.

— Андрей.

— Тут недалеко.

— Нет.

— Лера.

— Нет.

— Каких-то пятьсот метров.

— В таких историях всегда все начинается со слов «да тут недалеко», а заканчивается... ничем хорошим это не заканчивается, Барский.

Мужик открыто улыбается. Барский смотрит на меня спокойно, и это спокойствие бесит отдельно.

— Если пойдем сейчас, успеем туда и обратно до серьезного дождя.

— А если не успеем?

— Тогда будем решать по ситуации.

— Ооо, это прям обнадеживает.

Крош перелетает на ближайшую сосну и садится на нижнюю ветку, наблюдая за нами сверху.

Я смотрю на него, потом на бревна, потом на озеро, которое мелькает где-то между стволами. Оно темное, спокойное, и кажется, что совсем близко.

И почему-то я соглашаюсь. Что-то мне подсказывает, что зря.

Тропинка сырая, в траве уже собирается вода. Сапоги хлюпают на каждом шагу, платье липнет к ногам, а Барский идет так, будто все это доставляет ему удовольствие. Широко, уверенно, не глядя под ноги. Я иду следом осторожно, мелкими шагами, потому что в этих дурацких сапогах на босу ногу я чувствую каждую кочку.

— Ты молчишь, — замечает он.

— Я экономлю силы на то, чтобы не проклинять тебя вслух каждые две секунды.

— Самообладание — твоя сильная сторона.

— Барский, лучше помолчи сейчас.

Он на секунду поворачивает голову, и я ловлю его взгляд. Там снова это короткое, опасное веселье. Как будто ему по-настоящему нравится, что я здесь. Что я иду по грязи, злюсь, огрызаюсь, но все равно иду.

Наконец, деревья расходятся, и мы выходим к воде.

Я останавливаюсь сама. Красиво — не то слово. Широкая гладь, пустой берег, деревянные сваи, вбитые прямо в воду. Тихо так, что слышно только ветер и далекий стук где-то со стороны площадки. И все это под небом, которое с каждой секундой становится все ниже и тяжелее.

— Здесь будет экодеревня, — говорит Андрей. — Небольшая. Для людей, которые хотят тишины, а не пьяных шашлыков.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты об этом так говоришь...

Он смотрит на воду.

— А как, по-твоему, я должен говорить?

И вот тут меня накрывает очень странной мыслью: ему это действительно важно. Не ради денег, не ради картинки, не ради отчета. Важно.

Крош срывается с сосны и начинает носиться над водой, над нами. Летает низко, резко, каркает как-то тревожно, зло. Как будто предупреждает.

У меня холодеет под ребрами.

— Андрей.

Он уже и сам смотрит на тучи. Там, за лесом, небо почернело окончательно, и оттуда тянет холодом и сыростью.

— Возвращаемся, — говорит он коротко.

Мы разворачиваемся. И в этот момент над озером бьет молния. Не где-то далеко, а прямо рядом. Свет режет по глазам так, что я на секунду слепну, а следующий удар грома

приходит сразу, без паузы, — тяжелый, близкий, такой, что внутри все обрывается.

Я вздрагиваю, делаю шаг назад, и под ногой уходит мокрая земля. Сапог скользит, нога едет, руки летят в стороны.

Барский ловит меня в последний момент. Одной рукой за плечи, второй — за талию. Прижимает к себе резко.

— Стоять, — говорит он, и я замираю.

Дождь обрушивается сразу. Не начинается, а именно обрушивается. Крупный, тяжелый, ледяной. За секунду волосы липнут к лицу, платье намокает насквозь, ткань прилипает к ногам, и я понимаю, что сейчас выгляжу как мокрая курица в резиновых сапогах.

Крош орет где-то сверху. Барский смотрит на берег, на лес, на тропу, размазанную дождем в серое месиво. Я вижу, как он просчитывает варианты — быстро, жестко, без паники. Но в первый раз за все время я замечаю, что он напряжен по-настоящему. Плечи жесткие, челюсть сжата.

Плохо. Очень плохо. Потому что, если Барский перестал делать вид, что все под контролем, значит, у нас действительно проблемы.

Он снова смотрит на меня. Вода течет у него по лицу, рубашка прилипла к груди и плечам, глаза стали темнее и жестче.

— До машины не дойдем, — говорит он.

Я хочу спросить что-то еще, но не успеваю.

Молния бьет так близко, что воздух вокруг нас трескает-

ся. Я вскрикиваю и инстинктивно вжимаюсь в него.

И в ту же секунду где-то совсем рядом с треском ломается дерево.

Я дергаюсь всем телом.

Барский резко разворачивает меня и почти тащит вниз, под склон, закрывая собой от того, что с грохотом валится где-то за спиной.

Крош орет над нами так, что у меня внутри все сжимается в один ледяной ком.

— Не смотри назад, — говорит Андрей.

И вот теперь мне по-настоящему страшно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.